

УВИДИМ СЯ В ТЕМНОТЕ

ВНУТРИ УБИЙЦЫ
ВСЕГДА ЕЩЕ
КТО-ТО ЕСТЬ...

ВИКТОРИЯ ПЛАТОВА

Завораживающие детективы Виктории Платовой

Виктория Платова

Увидимся в темноте

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Платова В. Е.

Увидимся в темноте / В. Е. Платова — «Эксмо»,
2020 — (Завораживающие детективы Виктории Платовой)

ISBN 978-5-04-109845-2

Не нужно туда идти. Брагин приблизился к черной прогалине, портившей безупречно-белую поверхность озера, и еще успел удивиться, что совсем тонкий лед легко выдерживает вес человека. Лед не дрогнул, даже когда Брагин опустился на колени перед прогалиной. Не нужно туда смотреть. Но Брагин уже заглянул в бездну – и увидел там то, что должен был увидеть. Женское тело. Казалось, женщина парила в безвоздушном пространстве, а вовсе не в воде. И она была мертва. Задушена, о чем свидетельствовала странгуляционная борозда на шее. Брагин был уверен, что убийство произошло не здесь, что с жертвами он расправляется в другом месте. Там, где никто не в состоянии побеспокоить. Убийца никуда не спешит, и он предельно осторожен. Так, что и концов не найдешь. Во всяком случае, Брагин ни на йоту не приблизился к разгадке, а время движется неумолимо. Женщина в озере – пятая по счету.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109845-2

© Платова В. Е., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктория Евгеньевна Платова

Увидимся в темноте

© Виктория Платова, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

2019. ОКТЯБРЬ.

У НОЧИ ТЫСЯЧИ ГЛАЗ/NIGHT HAS A THOUSAND EYES

(1948 г.) 81 мин.

...Взяли и сдохли.

А все потому, что не смогли приспособиться к озеру, чьи воды разъедали их плоть. Никто бы не выжил в этом концентрированном соляном растворе, так почему рыбы должны быть исключением? Вопрос лишь в том, как быстро наступила смерть и насколько мучительной она была. Или это уже два вопроса?

Мнение рыб решающего значения не имеет.

Комната, в которой я нахожусь, – не больше восьми метров, и Шошó бы она точно не понравилась. Я все время думаю о Шошо, когда устаю плакать и убеждать себя, что это ночной кошмар и он вот-вот кончится. Или хотя бы трансформируется в другой сон, не такой ужасный, хотя ничего ужасного в этой комнате нет.

Она чистая.

Возможно, полумрак скрывает истинное положение вещей. И если в комнате когда-нибудь зажжется яркий свет, то я увижу стены, исцарапанные ногтями тех, кто был здесь до меня. Наверное, им тоже хотелось проснуться. И они так же кричали, срывая голос, и плакали, пока хватало сил, и засыпали. Вернее, проваливались в небытие, потому что я тоже проваливаюсь в небытие. И это можно считать передышкой. Блаженным отдохновением перед встречей с Комнатой, где все продумано до мелочей. Подсказано теми, кто был здесь до меня. Их рыданиями, мольбами, тупым безразличием, опустошенностью, напрасными надеждами на то, что кошмар закончится.

Для них он уже закончился, иначе я бы здесь не оказалась.

Так подсказывает мне здравый смысл: время от времени он выныривает из мрачных глубин смятения и страха, в которых я тону и захлебываюсь уже много... часов? дней? Скорее всего, речь идет о днях, бедный Шошо!.. Но я могу ошибаться, потому что времени здесь не существует. Есть лишь бодрствование и сон: они сменяют друг друга когда вздумается – и одинаково беспощадны ко мне. Здравый смысл тоже беспощаден. Он, как дельфин, подталкивает меня к поверхности из толщи вод – туда, где покоится простая и ясная мысль: спасения нет. *А еще*, — стрекочет и насвистывает здравый смысл, – *эта Комната будет последним воспоминанием в твоей жизни.*

Иногда стрекот и свист затихают, иногда становятся нестерпимыми и разрывают барабанные перепонки. И мне хочется убить проклятого дельфина, вспороть его гладкую резиновую кожу, искромсать на куски – сотни маленьких кусков, тысячи. Лишь бы наступила тишина.

Но здесь и так тихо. Как в склепе, как в гробу.

Это и есть склеп. Параллелепипед, вытянутый в длину.

В комнате нет окон, но имеется дверь – на короткой стороне параллелепипеда, справа от меня. Дверь железная и абсолютно гладкая, как прозекторский стол (почему я думаю о прозекторском столе?). Железный и абсолютно гладкий стул привинчен к полу, он стоит ровно посередине комнаты, метрах в полутора от кровати. В любое время я могу сползти с нее и посидеть на этом стуле. И посидеть на унитазе, втиснутом в угол между кроватью и стеной. Он такой же чистый, как и Комната, о бумаге тоже позаботились...

Кто?

Тот, кто находится там, за гладкой железной дверью, и смотрит на меня глазами Лорен Бэколл. Ее черно-белая фотография висит на противоположной стене, или это киноплакат? Никак не удастся определиться с размерами, плакат-фотография не слишком большой, но и не маленький, я вижу лицо Лорен во всех подробностях. Была ли она здесь в то время, когда остальные жертвы царапали ногтями стены?

Бугорки от клея.

Их шесть: два по бокам в верхней части плаката, два – в нижней, два посередине. Расстояние между бугорками совершенно одинаковое и кажется тщательно вымеренным линейкой. Бугорки никак не касаются лица Лорен – оно безмятежно. Из этого следует, что ТотКтоЗаДверью испытывает слабость к золотому веку Голливуда. А еще – он педант.

Ничего из этого не следует.

Это просто фотография или плакат. В самом дальнем углу Комнаты, под потолком, висит камера, о существовании которой я бы никогда не догадалась – такая она крошечная, *такая стеснительная*. Мерцающий зеленый огонек – вот что ее выдает. Он не успокаивает, не утешает, и глупо ждать от него сочувствия. И от бумажной Лорен – глупо, и от железного стула посередине комнаты. Сейчас на нем стоит бутылка с водой и печенье в пластмассовой кюветке. Круглые, твердые галеты – пятнадцать штук. Мой дневной рацион. Или ночной. Поначалу я к ним не прикасалась. Затем заставила себя съесть все пятнадцать – не потому, что умирала от голода, а... Почему? Из-за камеры под потолком. ТотКтоЗаДверью явно следит за мной, и, чтобы пополнить запас галет, ему придется войти сюда. Больше всего на свете я боюсь этого.

Больше всего хочу.

Я хочу ясности. С того самого момента, как оказалась здесь.

Но вместо человека приходит легкое угрожающее шипение: примерно такие звуки издает змея, стоит только ее потревожить. Я никогда не тревожила змей, по своей воле – уж точно. Несколько раз я держала их в руках, а однажды даже позволила обвить себе шею – в Марракеше, посередине туристической толпы, на площади Джамаа-эль-Фна. При этом хозяин змеи – темнолицый пройдоха араб – одобрительно щелкал языком и пальцами: *хасанэн, хасанэн!* Что это значит, я не помню. Но наверняка запомнила бы, если бы осталась в Марракеше.

Я могла бы остаться в Марракеше.

Или в Сплите, или в Стамбуле, или в Саламанке. И в том маленьком курортном городке в Долomitовых Альпах, где познакомилась с Агтилой. На третий день знакомства он предложил мне стать его женой. Штатный инструктор на горнолыжном курорте, да еще – итальяшка, разве можно относиться к его словам серьезно? Но он был милым и не был итальяшкой, – венгром. Если бы я только согласилась!.. Если бы я согласилась – не оказалась бы здесь. Тысяча вещей могла уберечь меня от Комнаты, сотня городов – укрыть. В какой момент все стало необратимым? До Комнаты был четверг, ничем не примечательный день. Такой же, как и все остальные. Четверг и ожидание субботы: в субботу мы должны были отправиться на шопинг с Дашкой, моей лучшей и единственной подругой. Почему, ну почему Комната случилась со мной, а не с ней? Это было бы справедливо, ведь Дашка – глупая. Глупее только угги и еще кеды на платформе. Все то, что носит Дашка, – глупо и украшено стразами. И бессмысленными пайетками, похожими на чешую.

Глупая Дашка работает продавцом-консультантом в магазине «Рив Гош», умная я – администратором в секс-шопе.

«Розовый опоссум».

Волосы у меня тоже розовые, на ногтях – черный лак, а еще – наполовину сбритая левая бровь и татушка на шее – цветок орхидеи. Татушку мне набили в Салониках.

Я могла бы остаться в Салониках.

Розовое и черное – из-за этого все стало необратимым?

Или из-за «Опоссума»?

Я могла бы устроиться в «Рив Гош». В «Л'Этуаль», «Л'Окситан», в «Иль де Ботэ» – в любое место, где вкрадчивым голосом предлагают духи, косметику и туалетную воду, почему я этого не сделала?

Мое знаменитое чувство юмора. Широко известное в узких кругах.

Не очень-то оно монтируется с респектабельными брендами от пяти с половиной тысяч. А с вибраторами, смазками, вагинальными шариками – вполне. Я всегда отпускаю сомнительные шуточки, когда рекламирую посетителям товар. В «Опоссуме» (соседняя с Дашкиным парфюмерным раем подворотня, далее – вход в арку, по стрелкам, второй двор) они идут на ура.

Мое знаменитое чувство юмора покинуло меня. Взяло и сдохло – как те рыбы в соленом озере.

Шошо тоже умрет.

Когда кончится корм в миске, когда кончится вода. Маленький канадский сфинкс Шошо заперт в квартире, которую я снимаю чуть больше полугода. Ее хозяйка давно перебралась к дочери в Португалию, вторая дочь живет в Коломьях, недалеко от станции метро «Пионерская». Португалия и Коломьяги равноудалены от Комнаты, дочь хозяйки зовут Анна – ту, которая из Коломьяг, она же передавала мне ключи. Милая, интеллигентная женщина лет сорока, волосы забраны в пучок, воспроизвести в памяти лицо не получается. Пару раз я задерживала выплаты, но Анна не надоедала звонками. Милая. Интеллигентная. Позволила вселиться вместе с Шошо, хотя обычно владельцы квартир не особенно рады чужим домашним любимцам.

Почему не она? Почему я?

Бесполезно спрашивать об этом у зеленого глазка камеры. Змеиное шипение идет снизу, в самый последний момент я понимаю откуда именно: две узкие вентиляционные решетки у самого пола. Сквозь них в Комнату проникает белесый туман со сладковатым привкусом. Я обреченно наблюдаю за ним – минуту, или больше, или целую вечность, а потом соскальзываю в беспамятство. Успев напоследок подумать: если это конец, то лучшего конца в моем положении придумать невозможно. Я умру, тихо и безболезненно, душа отделится от тела, а что случится с ним потом и в каком виде оно найдется – мне, в общем, все равно.

Мама. Мамочка, мамочка, моя мамочка. Пожалуйста, пожалуйста! Забери меня отсюда...

Часть первая

2019. НЕМНОГО АПРЕЛЯ И ИЮНЬ.

ДОМ ПОСТОРОННИХ/HOUSE OF STRANGERS

(1949 г.) 101 мин.

...О чем он подумал, когда увидел тело девушки? Первой жертвы того, кого впоследствии назовут Альтистом. *Как же аккуратно все сработано* — вот о чем.

Аккуратно, почти любовно.

Мысль, учитывая обстоятельства, выглядела едва ли не кошунственной, но не несла в себе опасности. Не обжигала. Просто констатация – и все тут.

Рабочий момент.

Вся жизнь Брагина состояла из подобных рабочих моментов – как и любая другая профессиональная жизнь. Врача, к примеру, или спасателя, или забойщика скота – тех, кто так или иначе связан со смертью. Приходится заслоняться от нее любыми доступными способами, вот и возникает своего рода деформация. Что-то вроде воздушного пузыря вокруг башки, который позволяет дышать, когда погружаешься в чертов ад.

Чертов ад.

Стоило приблизиться к девушке, чтобы понять, что это именно он. Стоило только увидеть ее лицо.

Серия. Такой была вторая мысль, сразу затмившая первую.

Серия, а не просто убийство.

Довольно долго прослужив в органах, Брагин успел несколько раз столкнуться с Сериями, и именно этот вид преступлений был самым чудовищным. Расследовать их, стоя по горло в крови невинных, – врагу не пожелаешь. И к виду растерзанных и поруганных тел невозможно привыкнуть, как и объяснить звериную жестокость насильников. Впрочем, и объяснять не надо. Зверь – он и есть зверь и должен быть изловлен. В идеале посажен на кол и живьем изрублен на куски. Так думает Брагин-человек. Он думает еще о множестве вещей: о мести, о каре, о Божьих Мельницах, чей неспешный ход сводит с ума. Брагин-следователь всего лишь выполняет свой долг. А долг заключается в том, чтобы, изловив зверя, передать его в руки правосудия. И никакого суда Линча, никакой самодеятельности.

Об этом постоянно приходится напоминать себе, чтобы не сорваться.

Вот он и старается не сорваться, глядя в лицо девушки. Что-то с ним не так. Не сразу и поймешь, что именно.

Поначалу Брагин ощутил легкое, прошедшее краем недоумение: уж больно оно – лицо жертвы – несовременное, таких сейчас не существует в природе. Их встретишь разве что в замшелых, ч/б фильмах, но Брагин не любитель подобного кино. И вообще все, что связано с кино, – для него в последнее время табу. Включая Леху Грунюшкина, старого университетского приятеля, последние лет пятнадцать подвизавшегося на ниве производства телемыла для федеральных каналов.

Воспоминание о Грунюшкине не заняло и трех секунд, а потом стерлось и все остальное. Кроме лица девушки. Нет, не лица...

– Мать твою, – выдохнул стоявший рядом с Брагиным капитан Вяткин. – Это маска, что ли?

Вот что привело Брагина в смятение. Не то, что лицо было мертвым. А то, что оно никогда не было живым. Восковая маска.

Слепок.

Искусно выполненный и аккуратно подогнанный к тому, что осталось от настоящего лица задушенной девушки.

Ничего от него не осталось. Сочащийся сукровицей кусок мяса.

Но это выяснилось позже, а пока девушка была безупречна.

Безупречная фигура, молочно-белые ноги, длинные, струящиеся, хорошо промытые волосы. Никаких видимых следов истязаний, кроме едва заметно стертой кожи вокруг щиколотки – судмедэксперту Пасхаверу это позволило утверждать, что какое-то время жертву держали на цепи. Рваная странгуляционная борозда тоже не сразу бросалась в глаза – она была задрапирована легким шелковым платком. Повторяющиеся изображения человеческих рук, в центре платка – две раскрытые ладони с глазами, та еще психоделика. Молодой и неумный Паша Однолет, подчиненный Вяткина, с которым следователь Сергей Валентинович Брагин уже успел отработать несколько дел, даже провел небольшое исследование относительно рукоглазых символов. И по всему выходило, что это – хамса, знак Мариам, или рука Фатимы (так себе открытие, отдающее пляжным анталийским отдыхом all inclusive). Не удовлетворившись столь банальным решением вопроса, он принялся рыть дальше и дорыл до Месопотамии, Карфагена и вульвы богини-девственницы Танит. Как превратить все это в удобоваримую версию, Паша не знал, и все его изыскания заглохли сами собой.

Платок – одна из двух вещей, надетых на девушку, вторая – пальто. Проклятое пальто надолго выбило Брагина из колеи еще и потому, что за неделю до этого Катя, жена Сергея Валентиновича, купила себе похожее... Кой черт – похожее?

Абсолютно такое же.

Темно-синее. Длинное, доходящее до середины икры. Чистая шерсть, идеальный крой, блестящие пуговицы в два ряда. Томми Хилфигер.

Пропади ты.

Стоял конец традиционно холодного питерского апреля, так что в пальто не было ничего удивительного. Все сразу решили, что оно принадлежит убитой девушке, кому же еще? Пальто оказалось новым, едва ли не только что купленным, без особых следов носки. Теоретически это могло бы стать следом – зыбким, но все же: при условии, что следствие располагает фотографией жертвы, пусть и посмертной. Снимок предъясняется в бутиках и магазинах, и, если девушка сама купила это пальто и совершила оплату по карте (сейчас все совершают оплату по карте), – найти плательщика через банковские реквизиты не составит труда. Но лица жертвы нет – его подменяет восковая маска, и здесь имеет смысл говорить не только о дьявольской ритуальной жестокости убийцы, но и о такой же дьявольской осторожности.

Осторожности во всем, включая способ доставки тела, ведь убили неизвестную девушку совсем в другом месте (это было то небольшое, что удалось достоверно установить). Очевидно, все готовилось заранее.

Сильно заранее.

Заранее был продуман маршрут доставки тела, заранее было выбрано место, где оно будет найдено: не слишком глухое, но и не кишачее людьми. У убийцы должна быть фора в несколько часов, чтобы обезопасить себя и свой автомобиль. Обвести вокруг пальца видеокамеры, которыми напичканы город и окрестности. Заставить сыграть себе на руку слепые зоны или, если это потребует создать их. Брагин и Вяткин склонялись к тому, что маньяк вряд ли пользовался собственным автотранспортом: слишком велика опасность засветиться. Скорее всего, речь идет об аренде: минивэны, «газели» или маленькие трудяги-грузовички. Впрочем, это могла быть и неприметная легковушка с багажником – достаточно просторным, чтобы погрузить в него тело. Брагин ухватился за эту идею, и несколько недель его группа отрабо-

тивала агентства по прокату авто. Благо вводные были просты: отследить автомобили, которые были взяты в аренду в дату, совпадающую с обнаружением тела, плюс-минус несколько дней. И установить – не найдутся ли в списках арендаторов повторяющиеся фамилии. План был вполне разумным, но, как показала практика, – неисполнимым. Слишком многое должно совпасть, чтобы он сработал. Да и не факт, что сами вводные были так уж безупречны. Убийца мог арендовать машину не на несколько дней, а, к примеру, на пару недель. К тому же далеко не все сделки правильным образом фиксировались. А некоторые – не фиксировались вообще. И что делать с ведомственным транспортом, а также с вышедшим на пик популярности каршерингом? Не то чтобы Брагин сдался окончательно, но его энтузиазм заметно поиссаяк. Ничего не дали и сведения, принесенные в клюве судмедэкспертом Пасхавером: девушка была задушена струной от альта, а таких струн – миллионы, и продаются они где угодно, по всему миру, даже чертовски далекая Гренландия не исключение. И там люди живут, и, возможно, пользуют альты. По прямому назначению.

Но здесь, в Питере, альтовая струна не издала ни звука. Разве что к серийному убийце – с легкой руки Паши Однолота – приклеилась кличка Альтист. Вот и весь результат их бесконечных мозговых штурмов.

Зеро.

Первым об этом заговорил Вяткин, когда они с Сергеем Валентиновичем (после очередного мозгового штурма) неожиданно оказались в питейном заведении под чисто питерским названием «Угрюмочная». Настроение тоже было соответствующим, угрюмым. Мрачным донельзя. Брагин и Вяткин и сами не заметили, как напились. Но опьянение было странным – трезвым как стекло. Брагин и Вяткин говорили о Деле, потому что ни о чем другом они, как правило, не говорили вообще и в друзьях друг у друга никогда не числились. А с Делом, вернее, с его расследованием все обстояло именно так. Зеро. *Жопа тоталь* — в переводе с общечеловеческого на вяткинский. «Жопа тоталь» стала венцом пространных размышлений Вяткина о логистике, в которой Альтисту не было равных. Тело девушки обнаружили в почти медвежьем углу, но совсем рядом проходила оживленная трасса. На ней легко затеряться, влившись в общий поток. И так же легко выпасть из потока. Что еще отличало Альтиста? Полное владение информацией относительно того, где какие камеры установлены, – будь то заправка, автомойка, магазин, жилой дом, торговый центр. Альтист – как геймер, проходящий часть игры в режиме «invisible»¹. И как ландшафтный дизайнер, что долго и придирчиво выстраивал композицию вверенного ему участка.

Идеальное место.

Идеальное преступление.

– Когда? – неожиданно спросил Вяткин.

– Ты о чем, Гриша? – удивился Брагин.

– Когда будет следующая?

– Может, пронесет еще. Чего каркать раньше времени?

– Сам знаешь, что не пронесет. – Вяткин опрокинул в себя стопку водки и тихо выдохнул. – Не первый год в органах.

– Я вообще не уверен, что это серия. Мало ли...

– Ты себя убеждаешь или меня? Почеркушка-то серийника.

– Поживем – увидим, Гриша.

...Они и увидели. Спустя месяц после того, как была найдена (и так и не идентифицирована) девушка в темно-синем пальто.

На этот раз пальто оказалось горчичного цвета.

¹ Invisible – невидимый (англ.).

Не такое дорогое, как предыдущее, – *не брендированное*, как выразился судмедэксперт Игорь Самуилович Пасхавер, чья жена Илона как раз и торговала брендированным товаром – женским нижним бельем известных фирм.

Не брендированное, но милое. Насыщенного горчичного цвета, свободного кроя, с большими накладными карманами и объемным воротником. То, что нужно девушке, чтобы пережить позднюю осень и раннюю весну. И уже к маю повесить пальто в шкаф и благополучно забыть о нем до середины сентября. Но был не май и не сентябрь – самое начало июня. Несколько по-настоящему изнуряющих, помноженных на дикую влажность жарких дней. Аномально жарких, но похожие дни найдутся в каждом, обычно сдержанном, питерском лете – если хорошенько покопаться. Именно в такой день Альтист снова напомнил о себе.

И опять это было укромное местечко поблизости от оживленной трассы, рядом – тропа для любителей скандинавской ходьбы. Абсолютно безлюдная по ночам, с раннего утра она забита пенсионерами. Девушка как раз и была обнаружена пожилой супружеской парой из ближайшего санатория, специализирующегося на лечении опорно-двигательного аппарата. Брагин прибыл на место происшествия чуть позже остальных, когда мизансцена уже устаканилась сама собой. Старики – бледные, перепуганные: оно и понятно – такие испытания на склоне лет. Мужчина при этом выглядел намного более деморализованным, чем женщина. А она ничего, держится. В отличие от Вяткина, чьи заострившиеся скулы говорят лишь об одном: капитан с трудом справляется с собой и обстоятельствами.

Капитан сидел на большом валуне лицом к Брагину. И курил, стряхивая пепел в руку. Чтобы, *значит*, лишний раз не мусорить на месте происшествия – оно, по мнению Вяткина, должно быть идеальным. Свободным от любых посторонних деталей, не связанных с преступлением. У любого опера со стажем существует своя теория относительно таких мест, есть она и у Вяткина. В отличие от всех прочих, папахивающая легкой inferнальностью и средней тяжести мистицизмом. Или, как выражается в подобных случаях Паша Однолет, *кьеркегоровщиной*. Производная от имени известного философа Серена Кьеркегора, которая, впрочем, ничего общего с ним не имеет. И в Пашиной трактовке означает лишь одно: предел научного допуска максимален, равно как и антинаучного, хочешь – верь, хочешь – нет. По Вяткину выходило, что время и пространство внутри места происшествия определенным образом консервируются, поглощая следы – самые важные, но при этом не считаваемые ни одной, даже самой дотошной трасологической экспертизой. И то, что удастся добыть следствию, – крохи по сравнению с законсервированным массивом. Но если оказаться на месте происшествия в определенное время и посмотреть на него под правильным углом, многое может открыться, и что-то – до сих пор неучтенное, непроявленное и неназванное – обязательно всплывет на поверхность. Прямые улики, четкие отпечатки пальцев, ДНК-материал и, наконец, Тень Убийцы. Она может быть короткой, как любая полуденная тень, или, наоборот, долговязой и вытянувшейся к горизонту, как любая вечерняя, но при этом – очень четкой.

Что-то вроде указующего перста.

Улови ее, правильно срисуй в своем воображении – и обязательно выйдешь на преступника.

Теория, эта по большому счету, не выдерживала никакой критики, как есть – кьеркегоровщина в чистом виде; оттого Вяткин о ней и не распространялся особо, молчал себе в тряпку.

И правильно делал, что молчал. Потому что в деле Альтиста, в том, что касалось первого убийства, она не сработала.

Брагин перевел взгляд на судмедэксперта Пасхавера, копошащегося у тела. А затем и на само тело, упакованное в горчичное пальто. Пальто застегнуто на пару верхних пуговиц, шейного платка на этот раз не понадобилось – след от струны скрыл воротник.

И лицо.

Восковая маска, хорошо знакомая Брагину, изученная до последней черточки. Поначалу он никак не мог объяснить себе, что не так с этой проклятой маской и почему он до боли всматривается в застывшие кукольные черты, не в силах отвести взгляда. И откуда возникло это ощущение – Зверь где-то совсем рядом. Так близко, что можно услышать его смрадное дыхание.

– Понял, да? – просипел на ухо Брагину капитан Вяткин. – Понял, в чем тут дело? Улыбка. Улыбка, мать ее.

Еще секунда, и Брагин сам бы догадался: маски на лицах апрельской и июньской жертв – одинаковые, но не идентичные. Первая была скорее нейтральной, не воспроизводящей никаких человеческих эмоций. А вторая... улыбалась следственной группе легкой, едва заметной улыбкой. Уголки губ приподняты, сами губы слегка растянуты; не торжество, нет, скорее – ирония. Или – хуже того – сарказм. Как если бы сам убийца воплотился в этой улыбке – *ну, что, мужики, ни черта не получается? Пыжьтесь, из кожи вон лезете, а толку нет. Жопы тоталь. То ли еще будет, дураилены.*

Эти фразы – никем не высказанные – гудели, подобно пчелиному рою, в голове Брагина, мгновенно ставшей пустой. Да и не голова это вовсе – стеклянный купол; и рой бьется в стекло без устали, стараясь вырваться на свободу: *ни черта не получается, вз-ззз, то ли еще будет, вз-ззз. Вз-ззз... вз-ззз.* И если бы брагинская голова разлетелась в этот момент, раскололась на тысячи осколков – он бы почувствовал только облегчение.

– Он же над нами издевается, мразь, – никак не мог успокоиться Вяткин. – Чует свою безнаказанность и издевается.

Рой наконец покинул Брагина, перестал терзать. Хорошо бы теперь и Вяткину немного сбавить обороты: такой всплеск эмоций не для места происхождения. Оно, как известно, требует сосредоточенности, но и известной отстраненности тоже.

Очевидно, и сам капитан вспомнил об этом – и потому замолчал. Но молчание длилось недолго. Вяткин втянул ноздрями воздух, беспокойно завертел головой, а потом произнес неожиданно севшим голосом:

– Он здесь.

– Кто?

– Альтист.

– В каком смысле – здесь? – не понял Брагин, но на всякий случай огляделся.

Не так уж много людей вокруг – они с Вяткиным, судмедэксперт Пасхавер, намертво приклеившийся к горчичному пальто. Паша Однолет. Эксперт-криминалист Ряпич, он как раз занят фотосъемкой. Те двое, что обнаружили тело, любители скандинавской ходьбы. Парочка незнакомых Брагину местных оперов. Участковый с труднопроизносимой фамилией Баумгартлингер – немецкая, что ли? Дичь, а не фамилия. Есть еще зеваки, без зевак не обходится, но все они – вне зоны видимости. А здесь, в этом влажном июньском аду, – десять человек. Тело – одиннадцатое.

Никто из них не Альтист.

– ...Чую, что здесь, – продолжал упрямиться Вяткин. – Объяснить не могу, но чую.

Опять чертова кьеркегоровщина, бедняга капитан.

Именно в эту минуту Ряпич махнул им рукой: очевидно, кое-что нашлось.

Счет-извещение, завалившийся за подкладку пальто. Оплата жилищно-коммунальных услуг за май месяц текущего года. Юр. адрес – г. Санкт-Петербург, ул. Малая Гребецкая, д. 6. Плательщик Якубина О.С.

Это была удача, самая настоящая, у Брагина даже дыхание перехватило. Больше месяца прошло с момента обнаружения первой жертвы – так до сих пор и не опознанной. Отпечатки пальцев ни по одной из доступных следствию баз не проходили. Стоматологи тоже ничем

помочь не смогли, да и проблем с зубами у совсем юной – не старше двадцати – девушки не было, всего-то пара пломб. И в графе «особые приметы» можно смело ставить прочерк: нет ни татуировок, ни шрамов, ни родимых пятен.

Даже удивительно.

Удивительно, что мертвая девушка оказалась на стороне своего палача. Не раскрыла ни одной тайны. *Пока не раскрыла*, – изо всех сил убеждал себя Брагин, – *придет время – и все изменится*. Рано или поздно появится зацепка, которая станет отправной точкой успешного расследования. Должна появиться. Не может не появиться. Большие надежды в связи с этим возлагались на Пасхавера, но, обычно всесильный, судмедэксперт только разводил руками:

– Я, Сережа, что мог из тела выудил и подробно все изложил. И про генетические особенности, и про состояние тканей, и про небольшую атрофию мышц, и про след на щиколотке. И про инъекцию. Остальное – сами. Ну, или ждите...

Фразы Пасхавер не закончил, но смысл ее и без того лежал на поверхности: ждите следующий эпизод.

Ждать пришлось долгий месяц и несколько еще более долгих дней, и вот теперь – счет-извещение. Малая Гребецкая улица, а значит – Петроградка. Нежно любимая Брагиным Петроградка, с которой связана вся жизнь. Ну что ж, всякое бывает, совпадение, не больше. Как и в случае с хилфигеровским пальто.

Не бери дурного в голову, Сергей Валентинович. Не отвлекайся на пустяки.

* * *

...На Малой Гребецкой они с Вяткиным и Однолетом оказались в тот же день несколькими часами позже. Уже вооруженные минимумом знаний о той, чье имя было указано в извещении. Оксана Станиславовна Якубина, уроженка города Череповец Вологодской области, 1961 года рождения.

– Мать, наверное, – предположил Вяткин.

– Или квартирная хозяйка, – предположил Брагин. – В любом случае что-то да узнаем.

– Вообще, как-то странно выходит с этим извещением, – неожиданно бросил Паша Однолет и покраснел.

Он всегда превентивно краснел, прежде чем высказать собственную точку зрения.

– А что с ним не так? – Капитан нахмурился. – Валяй, объясни нам, старым дуракам.

– Бумага слишком плотная, – пробубнил Паша. – К тому же лист сложен вдвое, прошу-паль через подкладку ничего не стоит. Вот и Ряпич в два счета его нашел.

– Ну, не в два, – еще больше нахмурился Вяткин.

– Хоть бы и не в два. – Однолет стал пунцовым, но продолжал упорствовать. – Хоть бы он на это больше времени потратил. Но с тем временем, которое было у Альтиста, не сравнить. Альтист осторожный, очень. Подчищает за собой будь здоров как. Все просчитывает до последней мелочи. А тут – такой косяк. Не похоже на него.

– Всякое бывает.

– Всякое, но не это.

– Ты что хочешь сказать? Он нарочно, что ли, туда его засунул?

– Получается.

Слово, выпроставшееся из мягкого Пашиного рта, камнем легло на сердце Брагина, *рано ты обрадовался и подумал о несказанной удаче*.

– Тоже мне, умник выискался, – неожиданно зло бросил Вяткин и надолго замолчал.

Молчал и Брагин. Он не злился на Пашу, ткнувшего их, старых дураков, в то, что лежало на поверхности. Вернее – за подкладкой пальто. Но счет – не единственное, что там обнаружилось, справедливости ради. Еще несколько фисташковых скорлупок и надорванная конфет-

ная обертка «Мишка на Севере». Почетный эскорт, сопровождающий извещение и придающий достоверность истории с прохуdivшимся карманом. Хотя само пальто не выглядело особо поношенным. Почти новое, да. И если Однолет прав (а что-то подсказывало Брагину, что он прав), то возникает вопрос – зачем?

Зачем все это нужно, что за игру затеял Зверь? Это была именно игра, а правила придуманы в тот месяц, что отделял первую жертву от второй. И правила иезуитские, хрен их поймешь. Но понять нужно, иначе страшный список Альтиста будет пополняться, а восковые улыбки – множиться, становясь все шире. Серия никогда не заканчивается просто так, ее можно только прервать. И чем раньше это произойдет, тем лучше.

...Оксане Станиславовне Якубиной принадлежала комната в большой и довольно запущенной коммунальной квартире. Кроме нее в собственниках числилось еще четыре семьи (одна – неполная, с ребенком-инвалидом), всего прописано двенадцать человек. На момент прибытия следственной группы в квартире находились трое, но побеседовать поначалу удалось лишь с одной – женщиной лет сорока пяти, представившейся Гретой, фрилансером.

Брагин зачем-то вспомнил о Грете Гарбо, хотя никакого сходства с легендарной кинодивой у фрилансера не наблюдалось. Кроме разве что тонких – в ниточку – бровей. Стоило Сергею Валентиновичу задать вопрос о Якубиной, как брови взметнулись вверх и едва не исчезли в облаке тусклых, плохо покрашенных волос.

– Она давно уехала, Оксана. Куда-то на Север завербовалась. Ну да. Больше года назад.

– А в ее комнате кто-то живет?

– К сожалению. – Брови Греты вернулись на место, а затем синхронно поползли к переносице. – Думала, вздохнем чуть свободнее, но куда там. Теперь в Оксаниных апартаментах ее якобы племянница обитает.

– Якобы? – удивился Брагин.

– Я в ее документы не заглядывала, так что степень родства подтвердить не могу. Но знаю, что некоторые особо прыткие записывают арендаторов в родственники. Чтобы таким немудреным способом от налогов уходить.

– Вы хорошо осведомлены.

– Пишу статьи на правовые темы для одного крупного интернет-портала. – На лице Греты заиграла кокетливая улыбка. – Так что мы коллеги. Почти.

– Как зовут племянницу?

Женщина на секунду задумалась.

– Кажется, Ольга. Но я не уверена.

– Не общаетесь?

– Повода нет. Да и видела ее всего лишь несколько раз. Знаете, бывают такие люди...

Удручающе незаметные.

Если бы так, Грета-фрилансер. Если бы так.

– А в последний раз когда видели?

– Давно. Может, в апреле. Но я не уверена. А что, собственно, произошло?

– Пока мы просто выясняем некоторые обстоятельства, – ушел от прямого ответа Брагин.

– Криминального характера?

– Не факт.

– Притворюсь, что вам поверила. – Грета рассмеялась и подмигнула Брагину, показав острые мелкие зубы. – Если понадобится моя помощь в качестве понятой – я готова. И готова приехать на опознание.

– Речь об этом пока не идет.

– Ну если вдруг возникнет – имейте меня в виду. И знаете что... Переговорите с Полиной. Она приятельствовала с Якубиной. И, может статься, знает ее племянницу лучше, чем я.

– Кто это – Полина?

– Соседка, естественно. Третья дверь по коридору. Перед кухней.

Больше всего Брагина интересовала другая дверь – якубинская (на нее в начале разговора тоже указала Грета): к ней вел небольшой коридорчик, отпочковывавшийся от основного коридора. Где-то посередине коридорчик ломался под углом в девяносто градусов, и за поворотом как раз и находилась комната Якубиной. Туда же, в квартирный аппендикс, выходило еще две двери, чье предназначение уже успел выяснить Вяткин. Кладовка (там хранился всякий хлам) и выход на черную лестницу. На обитой железом лестничной двери красовалась пудовая щеколда, припечатанная для верности таким же пудовым амбарным замком.

Все встанет на свои места, и скоро. Ровно в тот момент, когда они вскроют дверь в «Оксанины апартаменты» (участковый и слесарь, за которыми был оперативно отправлен Паша Однолет, должны появиться с минуты на минуту).

– Что скажешь? – шепотом спросил Брагин у Вяткина, дождавшись, пока Грета скроется в своей комнате.

– Похоже, потерпевшая – она и есть. Племянница. Лучше чтобы так, чем по-другому. Хоть какая-то определенность.

– Нет никакой определенности, – вздохнул Сергей Валентинович. – Вот мы сейчас завалимся всей толпой, все вверх дном перевернем, а потом окажется, что жива племянница. Ладно, пойду поговорю с этой... Полиной.

Полина оказалась невысокой, хрупкой, словно обуглившейся женщиной, и дело было даже не в масти (да, брюнетка, да, смуглая). Не в масти – в чем-то другом, невыразимо печальном; горел-горел костер, плясали искры, и жаром обдавало небеса, а потом вдруг все кончилось. Остались только подернутые пеплом головешки. И так с ходу не определить, сколько ей лет – то ли тридцать, то ли все пятьдесят. Ближе к пятидесяти, если судить по одежде: темно-зеленый со светлыми проплешинами вельветовый пиджак и юбка в мелкую складку. Для таких складок и специальное название есть.

Вроде бы.

– Якубина Оксана Станиславовна – ваша подруга? – спросил Брагин после того, как представился и предъявил удостоверение.

– Нет. – На удостоверение Полина даже не взглянула. – Просто соседка по квартире.

– Как Грета.

– Нет. Оксана – прекрасный человек. Никогда ни во что не вмешивалась, никогда и никому не желала зла. Никогда не говорила «чтоб вы сдохли».

Интересное кино.

– Вроде бы она уехала.

– Уехала.

Полина ухватила за лацканы потертого пиджака обеими руками, и Брагин поразился этим рукам. Этим пальцам – невероятно длинным, невероятно гибким, почти бескостным. Пальцы жили своей жизнью, произвольно выгибаясь в разные стороны. Осьминожки щупальца, отростки актинии, паучьи лапки. О лапках и щупальцах думать безопаснее, чем об этих бледных пальцах. Обманчиво слабых на вид.

– Не знаете куда?

– Почему же не знаю? Город Лангепас. Это в Тюменской области. Пригласили преподавать в местную школу искусств. Кто-то из старых друзей.

– Поддерживаете связь?

– Нет. Просто помню о ней. Этого вполне достаточно.

Брагин наконец оторвался от созерцания щупалец и поднял глаза к узкому, почти иконописному лицу. Его жена Катя оценила бы это устремленное в вечность, исполненное высокого страдания лицо (XVII век, левкас, темпера), а Брагину – необязательно. И лучше изоб-

разить недалекого бюрократа от правосудия, чем предстать человеком живым и мыслящим, и к тому же – неплохо образованным. Так подсказывает Сергею Валентиновичу интуиция, черт его знает – почему.

Разберемся потом.

– Кто теперь проживает на данной жилплощади?

– Ольга, племянница Оксаны... – Полина на секунду задумалась. – Вот только я давно ее не видела.

– Как давно?

– Последний раз в апреле.

– А сейчас июнь, – меланхолично заметил Брагин.

– Я в курсе. – Пальцы осьминожкой святой снова принялись терзать пиджак.

– Больше месяца девушка не появлялась дома, и никому до этого дела нет? Я правильно понимаю ситуацию?

– Абсолютно. У всех своя жизнь. А иногда и с ней не справляешься, так где найти время на чужую?

– Некоторые находят.

– Вот с ними и поговорите.

Она не хамила, как могло бы показаться. Просто тяготилась ненужным ей разговором, отнимающим драгоценное время. Его можно посвятить штопанью носков, его можно посвятить вечности, но уж точно не унылому следователю, зачем-то задающему унылые вопросы.

– Может быть, знаете, где Ольга учится? Работает?

– Работает у метро «Чкаловская» в цветочном магазине.

– Название магазина?

– Такие мелочи я не запоминаю.

– Покупали у нее цветы?

Вопрос не из тех, что задают недалекие бюрократы от правосудия, но он вкупе с другими (абстрактными, неточными, необязательными) должен породить встречный. Которым совсем недавно озаботилась фрилансер Грета: *а что, собственно, произошло?* По всем брагинским подсчетам, Полина уже несколько раз должна была этим поинтересоваться. А она все не интересуется. Почему?

– Я не покупаю цветов.

– Но откуда-то знаете про магазин.

– Она сама мне сказала.

Вот ты и попалась.

– Выходит, вы общались.

Ответить Полина не успела. За ее спиной, за плотно прикрытой дверью в комнату, раздался крик. Детский и такой душераздирающий, что Сергей Валентинович вздрогнул. Крик балансировал где-то на уровне ультразвука, и у Брагина мгновенно заложило уши, как бывает во время посадки или взлета. Оглушенный, он на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, Полины рядом не оказалось. Она исчезла за дверью, и последним приветом от нее был звук проворачивающегося в замке ключа.

– Что за хрень? Что здесь происходит, Сережа?

Вяткин:

– Понятия не имею.

Крик хоть и не прекратился, но стал заметно тише, и диапазон его съезжился до одной ноты; получилось что-то вроде «уууууууууууу». Монотонно, тоскливо и без всякого намека на паузу.

Брагин машинально дернул ручку, а затем постучал в дверь костяшками пальцев:

– Помощь нужна?

– Это нам нужна. – Рядом с Вяткиным, едва ли не дышащим в брагинский затылок, неожиданно нарисовалась фрилансер Грета. – Слышите вой? Второй год борюсь, чтобы их выселили. Куда только ни обращалась, а все без толку.

– Кого – их?

– Госпожу Ветрову и ее сынка-недоноска. Вот так вопить может двадцать минут кряду. И среди ночи, бывает, заводится. Одно время как-то поспокойнее был, врать не стану, а сейчас чуть ли не каждый день концерты устраивает.

– Что с ним такое? – понизив голос, спросил Брагин.

– С недоноском? – Грета брезгливо поморщилась. – Аутизм в тяжелой форме, как утверждает сама Полина. Что несовместимо с проживанием в коммунальной квартире. Налицо нарушение прав других квартиросъемщиков и членов их семей. Ну вот, заткнулся.

За дверью комнаты и впрямь наступила тишина.

– Я поначалу искренне сочувствовала бедняжке. – Тонкие Гретины брови сложились домиком. – Еще бы, больной ребенок, такого и врагу не пожелаешь. Она и работу давно бросила, и квартиру продала, сюда вот переселилась, в коммуналку. Все деньги – на врачей да на психологов, а тут не психологи нужны. И даже не психиатры. Санитары с носилками и смири-тельная рубашка – вот что.

Белый шум.

Все, о чем говорит сейчас энтузиастка интернет-права, – белый шум. Брагину нет никакого дела до страданий неизвестной ему женщины, он здесь – совсем по другому поводу. Но что-то важное промелькнуло в словах Греты, огонек в тумане, мелькнул и погас. Нет его.

– ...Стоит и смотрит на тебя. Чистый ангелок. Стоит, смотрит и мочится в штаны. Или начнет головой о стенку биться...

– Вы простите, уважаемая, – прервал фрилансершу Вяткин. – Этот вопрос вне нашей компетенции. Обратитесь к участковому.

– Да он уже от меня бежит, участковый. А когда удастся прижать к стенке, тоже говорит, что вопрос вне его компетенции. А ведь у меня и подтверждающие материалы есть. Видео и аудио.

Этого к стенке точно не прижмешь.

Примерно так подумал Брагин, когда увидел двухметрового гиганта в форме, явившегося вместе с Однолетом и плюгавым мужичонкой в темно-синем комбинезоне – слесарем.

– Лейтенант Белошейкин. – У гиганта оказался мягкий вкрадчивый бас. – Товарищ Однолет уже ввел меня в курс дела, но... Как же без ордера-то?

– Ордер подвезут с минуты на минуту.

С ордером должна была подъехать следователь прокуратуры Лера Гаврикова, бывшая стажерка Брагина, полгода назад отпущенная на вольные хлеба. Теперь же она снова оказалась в группе Сергея Валентиновича – слишком уж резонансной получилась история первой восковой маски. *Охренеть смердящей*, как выразился недавно Гриша Вяткин, измученный постоянными провалами в расследовании.

А теперь они имеют вторую маску – улыбающуюся. И смутную надежду, что дело таки сдвинется с мертвой точки.

– Может, тогда подождем? – пробасил Белошейкин.

– Вскрывайте.

На то, чтобы вскрыть дверь, слесарю и минуты не понадобилось. И вот они стоят на пороге квадратной комнаты с двумя узкими высокими окнами. Метров пятнадцать, не больше, и эти несчастные метры забиты мебелью: диван, платяной шкаф, пара стеллажей-трансформеров, хлипкая этажерка; два стола – обеденный со стеклянной столешницей и небольшой письменный у окна. Холодильник, засиженный магнитиками. Вытертый шерстяной ковер на полу. Мебель, за исключением стеллажей и новомодного стеклянного стола, перекочевала сюда пря-

миком из доперестроечных времен. Глубинные семидесятые или что-то вроде того. Все это выглядело бы совсем уж уныло, если бы не огромный куст гибискуса, стоящий в простенке между окнами.

Зеленые листья, красные цветы.

В доме Брагина, на кухонном подоконнике, тоже стоит гибискус. Не такой впечатляющий, совсем малютка, но размер листьев и цветов сопоставим. Есть и еще одно отличие: их с Катей гибискус – просто небольшой цветок в пластиковом горшке. А в здешнем заключен целый исторический пласт. Или даже несколько пластов. Достаточно подойти поближе, чтобы понять.

Мезозой, триас, мел.

И еще этот. Юра.

Парк юрского периода.

Крохотные динозавры растыканы по веткам, внедрены в почву и даже прячутся в цветах. Сама почва влажная: гибискус поливали совсем недавно, день-два назад.

Они ошиблись.

Поверили квитанции в подкладке горчичного пальто. Поверили двум женщинам-соседкам, утверждавшим, что видели племянницу Якубиной, Ольгу, весной, в апреле. Кто-то же поливал цветок целый месяц и поливает до сих пор. Возможно, сама Ольга: она жива и здорова, но как тогда объяснить квитанцию? Возможно, гибискус опекает кто-то из соседей: опрошены далеко не все жители коммуналки, а это еще пять-шесть человек. Плюс-минус.

Нужно поговорить с каждым, прежде чем сделать окончательные выводы.

А предварительные были сделаны уже через пару часов, когда прибывший на Малую Гребецкую эксперт-криминалист Ряпич снял все имеющиеся в комнате отпечатки и собрал образцы биоматериалов. В ходе осмотра был обнаружен действующий внутренний паспорт на имя Трегубовой Ольги Викторовны, выданный ОВД одного из районов Вологды. Двадцать лет, симпатичная длинноволосая блондинка, если судить по вклеенной в паспорт фотографии. Паспорт лежал на верхней полке одного из стеллажей, там же валялся бейдж с надписью:

ООО «Гортензия»

ОЛЬГА

Продавец-консультант

И кошелек с десятком скидочных карт самых разных магазинов – «Полушка», «Подружка», «Улыбка радуги», сеть аптек «Озерки», сеть алкомаркетов «Градусы», хобби-гипермаркет «Леонардо». И, наконец, «Подорожник» – пополняемая карта для поездок на городском транспорте. В закрытом отделении обнаружилась именная сберовская кредитка, небольшая сумма наличными (тысяча двести пятьдесят рублей). И заламинированная фотография молодого человека, показавшегося Брагину странно знакомым. Он определенно видел этого брюнетистого красавчика. Вот только где?

Впрочем, это вопрос десятый. Или даже двадцатый.

И получаса, проведенного в комнате, Брагину хватило, чтобы понять: Ольга Трегубова (опознанная Гретой как племянница Якубиной по фотографии в паспорте) вела более чем скромный образ жизни. Карты недорогих магазинов, несколько дешевеньких колец и пара серебряных сережек-гвоздиков, найденные в стоящей на этажерке конфетнице, копеечная туалетная вода. Гардероб тоже – весьма и весьма посредственный, неброский. На его блеклом фоне пальто вызывающе яркого горчичного цвета выглядело едва ли не бунтом против собственной же системы ценностей. Не то чтобы это смущало Брагина: он просто отметил про себя этот факт, пронумеровал и закаталогизировал его – и отправил в архив собственной памяти.

Кошелек и паспорт – вот что вызывало беспокойство. А еще сумка, висевшая на вешалке у входа и набитая всякой девичьей лабудой: косметичка, ватные диски, жевательная резинка, гигиеническая помада, портативный медиаплеер с наушниками (полностью разряженный),

ключи на кольцо (ко входной и комнатным дверям они не подошли). Нет только телефона, а во всем остальном... В остальном остается лишь снять сумку с крючка, надеть ее на плечо и отправиться на работу в ООО «Гортензия». Отправиться куда угодно. Не исключено, что есть и другая сумка, и даже скорее всего. С чем-то же Ольга покинула дом. Но почему тогда она оставила паспорт и кошелек?

– За границу умотала, – высказал предположение Вяткин. – За границей российский паспорт ни к чему и без «Подорожника» можно как-то перекантоваться.

– Принято, – легко согласился Сергей Валентинович. – Куда в таком случае присобачить банковскую карту?

– Поездка за счет принимающей стороны.

– Ну, это мы легко установим. Выежала ли она из страны вообще.

– Установим, конечно. Но если она и вправду выехала...

– И слава богу.

– Если она выехала, то как хренова квитанция оказалась в пальто у жертвы? Тоже, заметь, молодой девушки.

Вопрос без ответа. Они бродят в абсолютной тьме и задают друг другу вопросы без ответа. Но стоит только появиться хотя бы намеку на свет, как ответы обязательно найдутся. И они гораздо ближе, чем кажется на первый взгляд.

– Ну все. Я закончил, – сообщил Брагину Ряпич. – Поеду в лабораторию, проявлю отпечатки.

– Сегодня будет готово?

– Ближе к вечеру.

– Уже вечер.

Так и есть, начало седьмого, в квартиру после трудового дня уже стекается народ, самое время с ним побеседовать. А из комнаты Якубиной они и так выжали все возможное. На сегодня.

– Значит, ближе к позднему вечеру.

– Сравнишь с отпечатками сегодняшней жертвы.

– Само собой. – По обычно невозмутимому лицу Ряпича пробежала легкая улыбка, мол, поучите жену щи варить, товарищ Брагин.

После отъезда эксперта-криминалиста новости стали валиться одна за другой. Во-первых, все жильцы, опрошенные Вяткиным и Однолетом, в один голос заявили, что видели Ольгу Трегубову не позднее апреля. Кто-то не сталкивался с ней с Нового года, кто-то сдуру перепутал ее с самой Якубиной, но эти показания решено было в расчет не принимать. А самые важные сведения поступили от мужа фрилансерши Греты – Вадима Петровича, тучного мужчины в черной вязаной шапочке, натянутой на самые глаза. В жизни своей Брагин не видел таких грустных глаз. То ли болеет человек, то ли скорбит о чем-то. Да еще шапка эта нелепая – не сама по себе, а в контексте внешнего вида Вадима Петровича. Почему так – Брагин понял чуть позже. И про грустные глаза Гретиного мужа тоже: они ничем не защищены, ни одной ресницы, ни единого волоска. Действительно, болезнь генетическая. Сбой в программе. Из-за полного отсутствия волосяного покрова все в лице Вадима Петровича кажется преувеличенным – слишком тяжелые надбровные дуги, слишком большой рот, слишком громоздкий нос. А подбородок, наоборот, слишком маленький и слабый. В этой диспропорции есть что-то порочное, заставляющее думать о тайных грехах черной шапочки.

Которых наверняка нет.

– Когда вы в последний раз видели Ольгу Трегубову? – Брагин заглянул в диспропорциональное лицо с максимальной доброжелательностью.

– Четырнадцатого апреля.

– Так хорошо запомнили дату?

– Я сдавал квартальный отчет. Засиделся на работе до позднего вечера. Возвращался домой около десяти – и столкнулся с ней в подъезде, у лифта. Она выходила, а я как раз собирался подняться. Поздоровались, поболтали немного.

Что-то новенькое. До сих пор все, с кем они успели переговорить, отрицали какое-либо общение с племянницей их соседки Якубиной. А некоторые, вроде Греты, вообще думали, что Якубина пустила постоялицу на время своего отсутствия: ну, живет себе какая-то девица, мало ли кто там вообще живет. Съехала – и слава богу, меньше народу – больше кислороду.

– Поболтали? – переспросил Брагин.

– Всего-то пара фраз, – почему-то испугался Вадим Петрович. – О погоде и о том, что весны больше не существует. Зима – и сразу лето. А еще она обещала подобрать мне букет ко дню рождения жены. Вот и все.

– Что-нибудь приметное из деталей гардероба заметили?

Брагин целил в горчичное пальто, так, на всякий случай. Но выстрел ушел в молоко.

– Ничего особенно приметного. Куртка. Темная. Джинсы. Еще мусорный пакет. Знаете, такой ярко-голубой с белыми ручками. Мне кажется, она просто выносила мусор.

– Почему вам так показалось?

– Ну... – Вадим Петрович на секунду задумался. – При ней был только этот пакет. И потом, девушки обычно красятся, если куда-то выходят. А она была без макияжа.

– Некоторые девушки не красятся вообще. Среди современной молодежи это распространено.

Брагин понятия не имеет, распространено или нет. Но контраргумент необходим, чтобы заставить Вадима Петровича напрячь память. Вытащить из ее недр все, что касается Трегубовой.

– Она была в резиновых сапогах. Большого размера. В таких только за грибами. Или куда-нибудь за город, на пикник... А, вот еще что. В пакете было что-то испортившееся. Мясо или рыба. Пахло уж очень неприятно.

– Ясно. И больше вы Ольгу не видели?

– Нет.

– А букет? Вы сказали, что она обещала подобрать вам букет. Почему обратились к ней?

– Она работает в цветочном магазине. Небольшой такой магазинчик у метро.

– Захаживали?

Им всем паршиво – и мгновенно приоткрывшемуся рту, и лысым глазам. Корчатся в муках, боясь выпустить на волю правду. А правда состоит в том, что Вадим Петрович бывал в «магазинчике», только почему-то хочет это скрыть.

– Как-то раз. Случайно.

– Да вы не волнуйтесь.

– Я не волнуюсь.

Волнуешься. Даже посерел от волнения. Щеки сделались похожими на оберточную бумагу, а на кончике носа повисла невесть откуда взявшаяся капля пота.

– Вернемся к букету.

– Я его не получил. – Из-под черной шапки выкатилось еще несколько капель. – Говорю же, в последний раз мы виделись четырнадцатого. А день рождения Греты – восемнадцатого. Это важное мероприятие, потому-то я и торопился с отчетом. Чтобы ничто, как говорится, не отвлекало. Накануне, семнадцатого вечером, я постучался в комнату Ольги, и мне никто не открыл. На следующий день я специально отпросился с работы пораньше и отправился в магазин, но там уже принимала заказы совсем другая девушка. Она сказала, что Ольга здесь больше не работает.

– Объяснила – почему?

– Я не стал выяснять. Просто купил букет и ушел.

– А говорите, что не получили его.

– Я не получил его от Ольги. Вот и все.

– Она не собиралась куда-то уезжать?

– Откуда же мне знать? В свои планы она меня не посвящала.

– То есть девушка... Ваша соседка... Взяла и исчезла. Не появляется здесь довольно продолжительное время. А вы не забили тревогу.

– Это выглядело бы странно. – Вадим Петрович наконец-то смахнул каплю с носа. – Она посторонний мне человек. Почему я должен тревожиться? И Грета бы не поняла.

Вот оно что. Весь корень зла – в жене. Не будь ее, безволосый пугливый монстр озабочился бы исчезновением симпатичной ему девушки. Предпринял бы какие-нибудь шаги вроде визита к участковому или звонка родственникам. Но страх перед гипотетическим гневом или – того хуже – насмешкой жены (*на молоденьких потянуло? А ты себя в зеркале видел, лысое чмо?*) связывал Вадима Петровича по рукам и ногам. Не давал ему возможности поступить, как поступил бы любой человек. Даже не хороший – просто нормальный.

Но если исходить из этого – здесь все ненормальные.

– Не для протокола. Ревнивая у вас жена?

– Никогда не давал ей повода. И впредь не собираюсь.

На этом можно было заканчивать беседу с инфернальным типом Вадимом Петровичем, что Брагин и сделал. Задав напоследок еще один, чисто прикладной вопрос:

– Где у вас помойка?

– Помойка? – озадачился муж Греты. – Какая помойка?

– Вы ведь заявили, что Ольга собиралась вынести мусор. Вот я и интересуюсь – куда.

– А-а... Я понял, понял. Сейчас объясню. У нас в подъезде два входа. Один на улицу, другой во двор. Проходите через двор и через арку. Ворота там всегда закрыты, но в стене, с левой стороны, – кнопка. За воротами – что-то вроде небольшого проезда. Он заканчивается площадкой, там теперь импровизированная стоянка. А в глубине площадки, у стены, баки.

Слишком долгое объяснение, но такой уж Вадим Петрович человек – обстоятельный. И речи довольно пространные, если не касаются вещей, опасных для его благополучия. Семейного, личного, подлинного или мнимого.

– Вы там паркуетесь? – поинтересовался Брагин.

– Нет-нет, что вы. – Вадима Петровича снова бросило в пот. – У нас и машины-то нет. То есть... была, но мы продали ее в начале года. Стесненные финансовые обстоятельства.

– Может быть, знаете... Ольга встречалась с кем-нибудь? Возможно, кто-то заглядывал к ней?

– Никогда никого не видел. Но я и ее видел редко.

Спустя десять минут они с Вяткиным уже стояли внизу, в вестибюле подъезда, и все в нем было ровно так, как описал Вадим Петрович: одна дверь вела на улицу, другая – во двор. Вторая, в отличие от первой, не имела кодового замка.

– Что будем искать? – спросил у Брагина Вяткин.

– Тропу, на которой, возможно, исчезла Трегубова.

Они миновали крохотное пространство двора с парой клумб и недавно установленной детской площадкой, прошли через арку и оказались на узкой улочке, которую муж Греты рекомендовал «проездом». Двум автомобилям разъехаться невозможно, но один пройдет без проблем. С правой стороны улочки тянулся высокий, в два человеческих роста, глухой забор. С левой – нависала туша огромного здания с черными провалами окон и глубокими трещинами по фасаду. Жилой дом, очевидно, был расселен уже давно: сквозь каменную кладку успели пробиться какие-то чахлые растения – то ли кустарник, то ли карликовые деревца. Брагин запрокинул голову вверх, к холодному высокому небу: отсюда, со дна каменного ущелья, оно казалось белым.

– Охренеть местечко, – только и смог выговорить капитан. – Я думал, таких в Питере не осталось. Про Апокалипсис снимать – самое то. Киношникам своим присоветуй при случае.

Место и впрямь было унылым, сумрачным – несмотря на световой день, который никак не хотел кончаться. Белые ночи все-таки. Поздним апрельским вечером – тем самым, в котором Ольга Трегубова отправилась выбрасывать пакет с мусором (и неизвестно, вернулась ли обратно) – здесь было наверняка еще унылее. И фонарей не видно.

Они прошли еще метров пятьдесят и оказались на площадке, сплошь заставленной автомобилями. Десятка полтора, не меньше; в основном эконом-класс, «Ниссаны», «реношки» и «Киа». Пара машин была не на ходу, о чем свидетельствовали спущенные колеса и битый ржавчиной корпус. Но внимание Брагина привлекли не они, а относительно новый минивэн с надписью «КИНОСЪЕМОЧНАЯ». Минивэн преграждал путь к четырем мусорным бакам в углу площадки.

– Вот видишь, киношники уже здесь. – Брагин заглянул за лобовое стекло, где лежала бумажка с номером телефона. – Легки на помине.

– Рад за них, – проворчал Вяткин. – Ну, а мы тут зачем? Какую версию предлагаешь отработать?

– Нет пока никаких версий.

Это была не совсем правда. Не вся. Брагина приволокла сюда интуиция, а брагинская интуиция проходила по разряду дам капризных и откликающихся на призыв через раз. Но если уж она проснулась и заворочалась – пиши пропало, сожрет с потрохами, а до того – будет зудеть в башке, как надоедливая муха: сделай то, поди туда, обрати внимание на это. Минивэн, к примеру. Не конкретный («Киносъемочная»), любой другой. В минивэн легко затолкать жертву, да и много времени такая операция не займет, если хорошо подготовиться. Тем более что ни одной камеры здесь нет. Их не было и на протяжении всего отрезка от арки до торца разрушенного дома, к которому примыкала автостоянка.

– Не факт, что она вообще пропала, эта девушка, – снова заныл Вяткин. – Могла просто съехать. С жильцами не поладила – и привет. Ты сам эту квартиренку лицезрел. Гадюшник же, Сережа.

Нет, Гриша. Девушка действительно пропала. Конечно, есть масса обстоятельств, которые могут вынудить человека неожиданно сорваться с места, но паспорт с собой он обязательно возьмет. Достаточно простого здравого смысла, чтобы это понять. И непонятно, почему здравому смыслу так противится кондовый профессионал Вяткин.

Не противится. Просто оттягивает неизбежное. Насколько может.

– Съехала, угу. А документы кому оставила? Жильцам, с которыми в контрах была?.. Не видишь здесь камер?

– Нету их. Уже посмотрел. И даже знаю, о чем ты думаешь. Только не получается. Если все было именно так, как ты говоришь, – не получается.

– Почему не получается? – немедленно заупрямилась брагинская интуиция. – Очень даже.

– Был некий фургон, который прихватил девушку и отъехал никем не замеченный, так? Но девушка могла и не появиться. Ну, вот не захотелось ей поздним вечером, когда темень хоть глаз выколи, переться на помойку. И то, что она оказалась здесь, – чистая случайность. Шансы – пятьдесят на пятьдесят. Или семьдесят на тридцать не в пользу фургонетто. Все верно?

Брагин молчал.

– Ты сам знаешь, с кем мы имеем дело. Случайностей эта сволочь не допустит. От слова «вообще». Не там начинаем рыть, – покачал головой капитан.

Прав, прав был Гриша Вяткин. Брагин и сам понимал, что прав, и не понимал, почему его чертова интуиция так цепляется за это место. И откуда возникла железобетонная уверенность,

что с ним связано что-то страшное. Не с тем, в котором они нашли девушку в горчичном пальто, – то была просто декорация, которую она уже не могла оценить. А вот здесь...

Здесь все и началось.

Стоило Брагину подумать об этом, как в кармане зазвонил телефон.

Ряпич.

– Приветствую. – Голос у эксперта-криминалиста был совершенно ровным, лишенным эмоций, как у механического человека из старой версии gps-навигаторов. – Отпечатки сличил, ничего общего с отпечатками сегодняшней жертвы.

Вот и все.

– Спасибо, Володя.

Поменьше желчи, Сергей Валентинович. Бедняга Ряпич не виноват в том, что конструкция, тобой возведенная, рушится на глазах. А все потому, что была шаткой изначально. Возведенной на бумажном фундаменте счета-извещения. А ты и повелся, дурачок.

– Есть еще кое-что. Я тут проверил на всякий случай... Так вот. Эти отпечатки совпадают с апрельскими отпечатками.

О чем вещает ему механический голос? Не совсем понятно.

– Что-то я в толк не возьму...

– Получается, девушка, которую мы нашли в апреле... До сих пор неопознанный труп. Это она и есть. Ольга Трегубова.

Ряпич произнес еще несколько фраз, но Брагин уже не слышал его. Он как будто ослеп и оглох. Превратился в беспомощного маленького мальчишку, запертого в подвале, в крошечной темноте; и малыш точно знает, что в подвале он не один. Совсем рядом – бесформенное, ужасающее нечто, способное разорвать на части, если пошевелишься.

– Ошибки быть не может?

– Обижаете, Сергей Валентинович. Я, конечно, отправлю собранные биоматериалы в лабораторию, но и без этого картина предельно ясна.

– Значит, так. Теперь...

Брагин и сам не понимал, что делать теперь, когда все так неожиданно усложнилось. С самого начала эта Серия была не похожа на большинство серийных преступлений, с которыми сталкивался и он, и некоторые из его коллег по следственному управлению. Альтистом двигала не только жажда убийства, которую нужно утолить во что бы то ни стало.

Что-то еще.

Что-то, что заставляло изготавливать одинаковые восковые маски для своих жертв. Пока их две, но Брагин почти не сомневался – будет больше. И разные выражения одинакового лица – не просто так. Это не вызов, как сдуру подумал Сергей Валентинович. *Некого вызывать.* Альтист изначально не видел равных себе. И теперь не видит. Он так уверен в собственном превосходстве, что посылает им почтальона в горчичном пальто. Одна мертвая девушка передает привет от другой мертвой девушки. *Не шевелись, малыш, сиди смирно в своем подвале, а то чудовище тебя сожрет.*

– Теперь – что? – поинтересовался Ряпич, все еще висевший на другом конце провода.

– Что обычно. Отчет...

– Уже составил.

– Завтра утром загляну к тебе.

– Угу.

Ряпич отключился, а Брагин все стоял и стоял с телефоном, прижатым к уху. Картина – глупее не придумаешь.

– Ну, чего там? – спросил Вяткин.

– Отпечатки, которые Ряпич снял в комнате, действительно принадлежат Ольге Трегубовой. Но мы нашли ее не сегодня.

- Да? – капитан хмыкнул. – А когда?
- В апреле. Неопознанная апрельская жертва – Ольга Трегубова.
- Лихо. Твою же мать.

Лицо у Вяткина словно опрокинулось, и на нем застыло выражение детской беспомощности и какого-то неизбывного – детского же – отчаяния: еще один подвальный сиделец. *Добро пожаловать в команду, сосунок.*

- Твою же мать. – Вяткин никак не мог остановиться. – Твою же мать! Твою мать!
- Понимаешь, что это значит?
- Да уж не дурак. Выходит, прав был Однолет. Сволочь сама позволила нам идентифицировать жертву, вот и возникла бумажка в подкладке. Решил посотрудничать со следствием, подонок. Так это называется?

Вяткин может ерничать сколько угодно, но другого объяснения нет. И вряд ли появится в ближайшее время. Конечно же, это не сотрудничество – показательное выступление. И времени на его подготовку у Альтиста было намного больше, чем может показаться на первый взгляд. Сколько? Месяц минимум, а там – черт его знает. Брагин вдруг подумал о второй девушке – той, чье тело нашли сегодня утром. Не кто она, нет – рано или поздно имя всплывет. Он вдруг представил себе, что Альтист наметил ее в жертвы давно и наверняка следил за ней. Как до этого следил за Ольгой Трегубовой. Возможно, даже был знаком с обеими или познакомился под благовидным предлогом, такой вариант тоже нельзя исключить. А она... она не знала, какая страшная судьба ей уготована, подумать не могла, что крошечный ад – вот он, ждет за углом. Продолжала жить своей обычной жизнью, полной планов и надежд. О чем мечтают молодые девушки? Уж точно не о том, чтобы их обнаружили задушенными, с содранным лицом, прикрытым восковой маской.

- Имя, Гриша. Теперь нам известно имя первой жертвы. Уже кое-что.
- Поправочка, товарищ следователь. Мы не сами его вычислили. Его подсунул убийца. Я только не могу понять – зачем?

Брагин неожиданно разозлился на капитана: из-за неуместного вопроса, который мучил его самого. И будет мучить – до тех пор, пока...

- Сам у него спросишь, когда изловим.
- Хорошо бы изловить. И чем быстрее, тем лучше.

Они покинули тупичок-стоянку, предварительно переписав номера всех находящихся там транспортных средств. Наверняка кто-то из автолюбителей оставляет здесь свои машины постоянно и мог заметить что-то необычное или подозрительное тем апрельским вечером. Надежда на это призрачная – слишком много времени прошло, да и место такое, что мама не горюй. С двух сторон – глухие стены, с третьей – расселенный пустой дом, фонарей не наблюдается. То есть один все же имелся, торчал нелепым отростком из торца здания-призрака. Нелепым и совершенно бесполезным, поскольку ничего не освещал: лампа то ли перегорела, то ли была вывернута сознательно, а новую так никто и не поставил. Стена под фонарем (как, впрочем, и остальные стены) была украшена граффити разной степени мастерства, а также надписями, претендовавшими на некий концептуализм:

УЖЕ СКОРО. СОВСЕМ СКОРО. ПОТЕРПИТЕ.

Самые главные вещи на свете – это не вещи

Не потеряйся в том, чего нет

Чтоб все сдохли за исключением некоторых личностей

БУДЬ ОСТОРОЖЕН В НАШЕМ ГЕТТО

Козьявку хочешь?

М-да.

Надо бы поговорить с тем гигантом-участковым, Белошейкин или как там его? Причем желательно не откладывать в долгий ящик, а сделать это прямо сейчас.

– Ты домой? – поинтересовался Вяткин.

– Загляну в опорный пункт. А завтра с утра – у меня. Будем решать, куда дальше двигаться. Подготовь свои соображения в свете вновь открывшихся обстоятельств. И Однолет пусть подготовит, раз оказался таким проникательным.

– Да уж. Уделал нас, щенок.

Не уделал. Всего лишь разглядел прикормку, брошенную убийцей, чуть раньше остальных. Да и от такой прикормки не особо разжиреешь, и никаких преимуществ она не дает, просто появился еще десяток вопросов без ответов. И вряд ли Брагин найдет их в опорном пункте полиции.

...Несмотря на поздний час, лейтенант Белошейкин оказался на месте.

– Так и думал, что заглянете, – сказал он. – Прояснилось что-то?

Несколько секунд Брагин молчал, разглядывая обстановку. Филиал Ботанического сада – вот на что была похожа небольшая комната, которую занимал участковый. Множество растений в горшках, теснящихся на подоконнике единственного окна, на сейфе и на шкафу. Листья у растений – упругие и свежие, кое-где – трассирующей россыпью – проглядывают разноцветные бутоны. За спиной Белошейкина возвышалась огромная разлапистая монстера, а на столе перед ним стоял крохотный бонсай.

– Ого.

– Вы про цветы, да? – перехватил взгляд Брагина участковый.

– Да тут не цветы. Тут у вас прямо джунгли какие-то.

– Работе не мешает. Наоборот даже. Место ведь казенное, суровое. А зелень... – Белошейкин на секунду задумался. – Зелень – она того. Снимает лишнее напряжение. Это и посетителей касается.

– Вот что, лейтенант. Я по поводу парковки рядом с расселенным домом. Там, где мусорные баки. Знакомое вам место?

– Знакомое. Сам паркуюсь иногда. Законом вроде не запрещено. И деваться некуда. Машин уже больше, чем людей.

– Как долго существует парковка?

– Года три точно.

– Камера слежения имеется?

– Была мысль поставить, но потом отказались. Нести дополнительные расходы никто не готов. Вы сами эту парковку видели? Стихийная она, необорудованная. Заезжай кто хочешь. Там пустырь был, потом, уже на моей памяти, баки эти самые поставили. А затем кому-то из местных пришла в голову мысль машины оставлять.

– А дом давно расселили?

– Лет семь назад, как фасад треснул. Ремонту здание не подлежит, а тяжелой техникой рушить никто не решается. Вокруг – плотная застройка, сразу все поползет.

– Понятно. А кирпичная стена напротив?

– Бывший цех по производству измерительных приборов. Принадлежал какому-то НИИ. Оборудование, понятное дело, растащили еще в девяностые. Только стены и остались.

– Так и стоит бесхозным столько лет?

– А чего ему сделается? Там конфликт собственников, а это похлеще, чем трещина в фасаде.

Замечательный все-таки бас у лейтенанта Белошейкина, теплый. Тягучий, как мед. И если бы вместо унылых рассуждений о конфликте собственников последовала бы ария Варяжского гостя, Брагин несколько бы не удивился.

– Место, конечно, извиняюсь, геморройное, – осторожно кашлянул участковый.

– Ну-ка?

– Обход делаю почти каждый день. Случалось и бомжей выкуривать, и прочие антисоциальные элементы. Граффитчики покоя не дают – ну те, которые рисунки на стенах оставляют. А в прошлом месяце целого наркокурьера прихватил – в тот самый момент, когда он закладку делал. В общем, живем как на вулкане, товарищ Брагин. А уж когда киношники заявляются...

– Снимают? – Брагин немедленно вспомнил припаркованный к мусорным бакам белый минивэн. – И часто?

– Два-три раза в год – как «Отче наш». Все больше криминальные сериалы, конечно. Место там такое. Располагает.

– Да уж. И когда в последний раз снимали, не припомните?

– А чего тут вспоминать? У меня все ходы записаны. – Белошейкин ткнул пальцем в лежащий перед ним пухлый еженедельник размером с подарочное издание Библии; перелистнул несколько страниц и, остановившись на одной, торжественно объявил: – Вот. Тридцатого марта сего года. Восьмисерийный сериал производства студии «Афалина-фильм», рабочее название «Постарайся забыть». Премьера в сентябре. Мне, кстати, там сниматься предлагали. Так, эпизод, мелочь. В кадре постоять.

– Отказались?

– Само собой. – В голосе Белошейкина неожиданно послышалось сожаление: то ли потому, что отказался, то ли потому, что эпизод.

– Долго продлились съемки?

– Да часов восемь они там гужевались. Это называется смена.

– Я в курсе.

Брагин вдруг почувствовал глухое раздражение. Не к Белошейкину, добродушному человеку (это очевидно) и добросовестному служаке (не так очевидно, но можно предположить). Весь последний год Сергей Валентинович старательно делал вид, что кино как производственного процесса не существует и людей, которые им заняты, – тоже. Это стоило ему определенных усилий (на самом деле – *невероятных*, таких, что в стойло здравого смысла ни за что не затащишь, брыкаются). Но все вроде бы удалось и устаканилось, и тишь да гладь на поверхности, так нет! В совершенно неподходящий момент всплывает лох-несская башка заштатного участкового мента с рассуждениями о кинопроцессе. И худшее, что может быть, – отвлечься на эти пустяки прямо посередине тяжелого, изматывающего дела.

Самого тяжелого в карьере старшего следователя Брагина.

– Четырнадцатого апреля вечером, около двадцати двух часов, не находились, случайно, в районе стоянки?

– Четырнадцатого. Ага. – Белошейкин снова углубился в свой талмуд. – Так я же на вызове был. Как раз в это самое время. И как раз в этой квартире.

Неожиданный поворот.

– Интересно.

– Какое там! По мне – лучше уж задержание с применением табельного, чем в то болото соваться, уж простите. Вас, наверное, тоже просветили уже.

– Насчет чего? – удивился Брагин.

– Насчет больного ребенка. – Участковый понизил голос. – Кирилл Ветров, одиннадцать лет. С психикой у него не все в порядке. Кричит, воет, как собака. Если без присмотра оставить – может и сотворить чего. Сковородку с плиты сбросить или кастрюлю. Без спроса вещи взять. Поломать, испачкать. Вот соседи и жалуются.

Брагин вспомнил давешнее «уууууууууууу» – из-за двери комнаты, третьей по коридору. Перед кухней. Сына грустного осьминога Полины зовут Кирилл, ее фамилия – Ветрова. Бесполезные знания, ни к чему их не приложишь.

– А что я могу сделать? – прогромыхал Белошейкин. – Выселить не могу, не моя компетенция. И любая профилактическая беседа до лампочки. Что тут поделаешь, когда – болезнь? И женщина она хорошая. Интеллигентная, воспитанная. Мать ребенка, я имею в виду. Одна совсем. Муж – если и был когда, сбежал. А ей куда бежать? С другой стороны, и соседей понять можно... Я вот еще чего спросить хочу, товарищ Брагин... Там, в комнате, цветок остался. Вроде как бесхозный теперь...

Такой прыти в перескакивании с темы на тему Брагин не ожидал и потому озадачился:

– Цветок?

– Он у окна стоит. Гибискус. Роза синезис, если по-латыни, а в просторечии – китайская роза. Я бы его взял. Пропадет ведь, если не ухаживать.

Гибискус в простенке между окнами, пристанище маленьких динозавров, загнанных эволюцией в подарочные наборы «Дино-Ленд». Зеленые листья, красные цветы.

Влажная земля.

– Подумаем, – пообещал Брагин участковому прежде, чем покинуть полицейские джунгли.

Слишком обтекаемый ответ. А ведь ничто не мешало Брагину сказать, что с *розой синезис* все в порядке. Она не брошена на произвол судьбы, кто-то следил за ней уже после того, как Ольга Трегубова исчезла. Поливал цветок. А значит, не мог не знать, что девушка не появляется дома с апреля. Кто-то регулярно заходил туда, видел лежащие на видном месте паспорт, кошелек и банковскую карту. И видел, что в комнате ничего не меняется – день за днем, неделя за неделей.

Видел и молчал.

Логика подсказывает, что этот «кто-то» – обитатель квартиры. И сегодня у него была прекрасная возможность рассказать о визитах к гибискусу: дать попить цветку – что в этом криминального? Но соседи Трегубовой – а они с Вяткиным опросили каждого – не просто промолчали. Открестились от помощи растеньицу, *понятия не имеют – о чем вы*. И традиционно отделились общей для всех мантрой: малоприметная девушка, давно не видели, толком не общались.

Ну, допустим.

Фрилансер Грета и ее верная Черная Шапочка. Осьминожка с сыном. Семейство Бабченко – Степан и Ирина, оба работают проводниками поезда Санкт-Петербург – Адлер, но, по счастливому стечению обстоятельств, оказались не в рейсе – плановый отпуск. Двое детей Бабченко (гипотетически игрушечные динозавры могли принадлежать им) проживают с родителями Ирины в Сестрорецке. Семейство Федорцовых: он – менеджер по закупкам, она – менеджер по продажам – ничего особенного. У Федорцовых есть дочь – девятнадцатилетняя Настя, студентка Художественно-промышленной академии им. Штиглица, на нее Брагин возлагал большие надежды. Возраст примерно тот же, возможно – схожие интересы, две девушки вполне могли поладить. Куда там! Настя Федорцова похожа на юную французскую бунтарку из шестидесятых прошлого века, занесенную в питерские палестины киношной *nouvelle vague*², порядком одряхлевшей за последние пятьдесят лет, но как направление – незабываемой. Так, во всяком случае, утверждает жена Катя, от которой валенок Брагин поднабрался культурной премудрости. И больше не впадает в ступор при упоминании всяких там Годаров, Ромеров и Трюффо. Кате они всегда нравились. А Брагину – только девочки из их фильмов. Манипуляторши, красотки, анархистки.

Настя Федорцова – как раз из таких. Что она забыла в чреве унылой коммуналки – непонятно.

² Nouvelle vague – новая волна (фр.).

Впрочем, недоразумение выяснилось почти сразу. С менеджерами Настя давно не живет, снимает в складчину с одноклассницами мансарду в центре города. К мутантам-родителям заглянула на давно обещанные домашние пельмени – и плевать на ЗОЖ. На соседей тоже, Настя Федорцова видела их в гробу. А девушку из комнаты на отшибе не видела вовсе. О чем и заявила Брагину – так экспрессивно, что на ее тонких запястьях звякнули браслеты. Необычные, отметил про себя Сергей Валентинович, странное сочетание кожи и керамики. Но выглядят довольно симпатично.

– Занятные вещицы.

– Эксклюзив, – не растерялась любительница домашних пельменей. – Хенд-мейд. Есть страница в Инстаграме, на Фейсбуке и ВКонтакте. «Федорино горе».

Было бы удивительно, если бы страница называлась по-другому.

– Заинтересовались – заглядывайте.

– Загляну, – пообещал Брагин.

Нет, динозавры – не Настина тема, слишком они далеки от революционных потрясений, своих хватает. Эволюционных.

Перебрав в памяти всех жильцов, Брагин вновь вернулся к Полине и ее сыну. Мальчик одиннадцати лет, пусть и проблемный, вполне подходит на роль покровителя диплодоков и птеродактилей, он мог бывать в комнате Ольги Трегубовой. Но Полина ничего об этом не сказала.

Что ж, придется поговорить с ней еще раз.

Сергей Валентинович взглянул на часы: половина одиннадцатого, а светло как днем. Если задрать голову вверх, то можно увидеть отблески заходящего солнца – в оконных стеклах верхних этажей. Когда Брагин разлюбил белые ночи, в какой момент?

Когда перестал быть счастлив с Катей.

Значит, уже давно.

Нет, он ничего не собирается менять в своей жизни, *не дожидается*. И любовь к Кате никуда не делась, просто заросла по самую макушку сорняками других чувств – необязательных и не всегда правильных. А иногда – откровенно постыдных, об этом даже вспоминать не хочется.

Вот и не вспоминай.

Брагин достал телефон и набрал судмедэксперта Пасхавера: одного из немногих, кому он мог звонить в любое время суток.

– Слыхал уже, – вместо приветствия протрубил Пасхавер. – Новость первый сорт, доложу тебе.

– Ряпич слил?

– Поставил в известность.

– Ясно. Ты где сейчас?

– В трупной. – «Трупной» Пасхавер уже давно именовал морг при Бюро судебно-медицинской экспертизы. – Заключение по сегодняшней девушке добиваю.

– Есть что-то интересное?

– Не такое, как у Ряпича, но... возможно.

– Я подъеду?

– Валяй.

– Буду через пятнадцать минут.

– Тогда и пожрать захвати чего-нибудь. С вашим маньяком я сегодня без обеда.

2019. ИЮНЬ.

РАЗГОВОРЫ О НЕЗНАКОМЦЕ/TALK ABOUT A STRANGER

(1952 г.) 65 мин.

...В пятнадцать минут Брагин не уложился. Стоило ему сесть в машину, как отзвонилась Лера Гаврикова, еще один круглосуточный человек. Когда Лера была стажером, Сергей Валентинович сам предоставил ей право не смотреть на часы, если вдруг всплывет новая информация, касающаяся дела. Этим правом она пользовалась всю и пользуется до сих пор. Правда, значительно реже, чем раньше, – довольно быстро молодой следователь Гаврикова научилась отличать важную новую информацию от второстепенной. Она вообще оказалась из тех редких и ценных для их профессии людей, которые умеют вглядываться, сопоставлять и видеть главное. Пусть это главное и выглядит в текущий момент времени как нечто не заслуживающее внимания. А еще Лера Гаврикова – оголтелая карьеристка в хорошем смысле этого слова, работа для нее – прежде всего, ничего другого не существует: хоть убейся, хоть сама убей, а результат должен быть обязательно. Коллеги-мужчины ее недолюбливали за излишнее рвение, но Брагину как раз это и нравилось в Гавриковой – целеустремленность: девочка на верном пути.

– Поболтала с персоналом магазина, где работала Трегубова, – после короткого приветствия сообщила Лера. – Набросали всякого, в основном – несущественного.

– А существенное есть?

Она ответила так же, как несколько минут назад ответил Сергею Валентиновичу судмедэксперт Пасхавер:

– Возможно.

Сговорились они, что ли?

– Это метро «Чкаловская»?

– Да. Чкаловский проспект, 16, если совсем точно. Магазины на углу. Работает с восьми до двадцати трех. – В подаче даже самых незначительных фактов следователь Гаврикова всегда отличалась скрупулезностью.

– Ты еще там?

– Да.

– Сейчас подъеду.

Лера ждала его в двух шагах от «магазина на углу», у автобусной остановки, и вид у нее был крайне недовольный: сомкнутые губы, сдвинутые брови, прищуренные глаза. По прошлому опыту Брагин знал, что это не недовольство вовсе, а крайняя степень сосредоточенности. Лера решает про себя, какие сведения важны, а какими можно пренебречь. Это экономит и ее время, и брагинское. Вообще не лишенный воображения Брагин иногда представлял себе голову Леры Гавриковой в разрезе, и она напоминала ему образцово-показательное хранилище вещдоков, где все тщательно запротоколировано, заархивировано и разложено по ячейкам в спецсейфах. Пройди хоть двадцать лет, хоть сто – в хранилище ничего не потеряется. И будет найдено за считанные минуты – такова безупречная организация пространства.

И сама Лера безупречна. Ну, почти.

– Могу подбросить тебя до метро, – сказал Брагин. – А по дороге все расскажешь.

– Мы уже возле метро. Лучше останемся здесь, и я постараюсь изложить все тезисно. Много времени это не займет.

Через две минуты Сергей Валентинович уже знал, что Ольга Трегубова проработала в «Гортензии» восемь месяцев вплоть до четырнадцатого апреля текущего года, после чего на рабочем месте не появлялась. Поскольку трудовой договор с ней не оформлялся, то и увольнять Трегубову не пришлось. А ее внезапное исчезновение связали с переменами в личной жизни, о которых она сама неоднократно, хотя и туманно, намекала.

– Перемены в личной жизни? – Брагин немедленно вспомнил заламинированное фото bruneta из кошелька Трегубовой.

– Замужество, к примеру. – Губы ярой феминистки Гавриковой изогнулись в презрительной улыбке. – Не факт, конечно. Но парень у нее был, по ее же собственным словам. Она рассказывала о нем своей сменщице, Анне Корховой. И даже показывала переписку в мессенджере. Любовного содержания. Правда, никто его в окрестностях «Гортензии» ни разу не видел. Видели других, но этого точно нет.

– То есть парня теперь не найти?

– Почему не найти? При желании за минуту обнаружите, Сергей Валентинович. Если наберете в поисковике «Виктор Ганичев».

– Кто это?

– Звезда телесериалов. – Улыбка Леры стала еще презрительнее. – Уроженец города Приморско-Ахтарск Краснодарского края. Тридцать три года. Двадцать восемь работ в двадцати восьми проектах, как принято говорить. Разведен, есть дочь от первого брака. Увлекается дайвингом, имеет мотоцикл-круизер Rocket-3, премиум-линейка. Загородный дом в Белоострове. Очень состоятельный человек.

Очень состоятельный человек, ну да. А быт Ольги Трегубовой, если судить по комнате, в которой она жила, чрезвычайно скромн. Чтобы не сказать – убог. Клееная конфетница из мотоцикл-круизер. Надо бы, конечно, в морду заглянуть этому самому Виктору Ганичеву. Но и без морды все ясно: не монтируются они с цветочницей никак.

Зря.

Зря он так подумал. Стыдно быть снобом, Сергей Валентинович.

– Интересно, где они познакомились? Цветы он у нее покупал, что ли?

– Я так думаю... не было никакого романа. Она его сочинила, роман.

– То есть как? – удивился Брагин.

– Как обычно. Ей понравился артист, она выдумала отношения с ним и в результате сама в них поверила. С фанатками такое часто случается.

– Это тебе ее знакомая поведала?

– Анна Корхова дала общую картину, а выводы я сделала сама, – сухо отрезала Лера. – И потом, я ведь не только с ней разговаривала. Еще с управляющей. Манько Наталья Борисовна. Она принимала Трегубову на работу. И отнеслась к ней по-матерински, это со слов самой Манько. Трегубова поведала ей трагическую историю своей жизни. Что она – дочь олигарха, молочного короля, в роду – сплошные дворяне, князья и цыганки-прорицательницы по материнской линии. Вы бы этому поверили? В цыганско-аристократическую смесь?

– Всякое бывает, – ушел от ответа Брагин.

– В мексиканских сериалах – да. А так – сомнительно. Это еще не все. С одиннадцати лет проживала в Англии, престижная закрытая школа, пентхаус в районе Ноттинг-Хилл и все такое. А потом папу-олигарха убивают конкуренты, буквально решают: двадцать шесть пулевых ранений на теле. Заодно идут под нож и вся семья, мать, два брата и сестра. Которые почему-то не в Лондоне, в отличие от... Дольче вита, понятно, заканчивается, Ольга вынуждена вернуться в Россию, состояние отца уже прибрали к рукам те самые конкуренты. В общем, сюжет.

– Все это Ольга рассказала управляющей?

– В красках. Плакали обе. Манько не производит впечатления доверчивой женщины, я бы сказала, что она – прожженная торгашка. А вот купилась. Но это еще не все.

– Куда уж больше.

– Трегубова подворовывала. Регулярно вытаскивала небольшие суммы из дневной выручки. Несколько раз ее ловили на этом, она каялась, рыдала в три ручья, и Манько ее прощала. Какие-то там были железобетонные основания для воровства. То ли установить памятник на могиле погибшей семьи, то ли нанять частного детектива, чтобы расследовать ее убийство. Манько даже сама одолжила Трегубовой деньги, утверждает, что десять тысяч. Этого,

естественно, мы проверить не можем. Но красть Трегубова не перестала. Наверное, еще и потому никто ее особенно не искал. Исчез источник напряжения. Проблема хищений рассосалась сама собой.

Лере не нравится Ольга Трегубова – это видно невооруженным взглядом. Она как будто даже презирает ее: и за несуществующий роман с Rocket-3, и за несуществующий пентхаус, и за отца-олигарха, который, скорее всего, был заштатным алкашом из убогого райцентра. А может, его и не было вовсе. Скидку на то, что несчастная погибла мучительной смертью, Лера не делает. Так не должно быть, но кто такой Сергей Валентинович Брагин, чтобы учить взрослого и состоявшегося человека состраданию?

– Это все?

– Почти. Незадолго до исчезновения Трегубова рассказала Анне Корховой о своей мечте. И даже показала ее в каталоге. Пальто от Томми Хилфигера. Темно-синее, с морскими пуговицами. Она хотела получить его на день рождения от своего телегероя. К пальто прилагалась еще романтическая поездка в Венецию, но пальто доминировало.

– То есть?

– О пальто она говорила даже больше, чем о поездке. Так утверждает Корхова.

Брагин вдруг понял, что не успел сказать своей помощнице о главном открытии последних часов: личность найденной сегодня девушки еще предстоит установить. А Трегубова и есть неопознанная до сегодняшнего дня первая жертва. И неизвестно, кто исполнил ее темно-синюю мечту – она сама или парень из телевизора, которого она считала своим возлюбленным.

Или Альтист.

От этой простой мысли по спине у Брагина пробежал холодок. Впрочем, и не холодок даже – на него обрушился ледяной дождь, от которого моментально заиндевел позвоночник. С высокой долей вероятности можно утверждать, что Ольга Трегубова исчезла либо вечером четырнадцатого апреля, либо в ночь на пятнадцатое. Ее нашли через две недели, и судмедэксперт Пасхавер констатировал, что смерть девушки наступила за несколько часов до обнаружения тела.

Две недели.

Что происходило с ней все это время? Где она находилась? Вступала ли в контакт со своим мучителем? Обнадеживал ли он ее, пока девушка была жива, или с самого начала не оставлял никаких шансов на спасение?

Две недели.

– ...Мне кажется, вы не слушаете.

– Слушаю, Лера. Патологическая ложь и структурные аномалии мозга, с этим связанные. Но теперь это не имеет никакого значения. Девушка мертва. Две девушки мертвы.

– Кто из них Трегубова? – ровным голосом спросила Лера.

Умная девочка. Жесткая умная девочка, лишенная сантиментов, лишенная малейших проявлений эмпатии. Возможно, для расследования сложных дел, связанных с чудовищными смертями, это хорошо. Или все-таки плохо?

Время покажет.

– Первая жертва. Та, что нашли в апреле.

– Понятно. – Гаврикова несколько не удивилась и не потребовала разъяснений.

– Мне нужны личные контакты этого парня, Ганичева. Хочу пообщаться с ним.

– Поняла.

– Потом. Ты говорила, что были и другие. Кто интересовался Трегубовой.

– Корхова хорошо запомнила одного. Он заглядывал в магазин несколько раз и, судя по всему, был знаком с потерпевшей. Называл ее Оленькой. Мужчина лет сорока пяти, в черной вязаной шапке, неприятного вида. Букет цветов купил лишь однажды, кустовые хризантемы,

эконом-вариант. И тут же вручил его Трегубовой. Корховой Трегубова сказала, что это телохранитель крупного бизнесмена, который давно ищет ее благосклонности.

- Кто ищет? – уточнил Брагин. – Телохранитель или бизнесмен?
- Оба. – Снова эта презрительная улыбка.
- Человек в черной шапке – это сосед Трегубовой по коммунальной квартире.
- Я же говорила...

Продолжать Лера не стала, но смысл и так понятен: патологическая лгунья, что еще от нее ожидать? Любая информация, которая исходила от Трегубовой при жизни (не важно, чего именно она касалась), как правило, недостоверна. Ее нужно проверять и перепроверять, но в сложившихся обстоятельствах это возможно далеко не всегда.

О сложившихся обстоятельствах Брагин думал, уже расставшись с Лерой Гавриковой. Почти мгновенно нашлась первая неувязка. Трегубова, по словам коллег из «Гортензии», позиционировала себя как вегетарианка. Да и в холодильнике у нее обнаружили лишь несколько банок овощных консервов, пара яиц, засохший пучок зелени и вакуумная упаковка со свеклой. Тогда откуда взялось протухшее мясо в мусорном пакете, о котором говорил Вадим Петрович? Соврал насчет мяса, лысый черт? Но смысл в таком вранье не просматривается даже отдаленно. Проще списать все на несчастную патологическую лгуню и успокоиться. Но успокоиться не получилось. И вряд ли получится в ближайшее время.

Сергей Валентинович так углубился в свои мысли, что проехал мимо дежурного «Макдоналдса», где собирался купить что-нибудь комплексное для судмедэксперта Пасхавера. Пришлось ограничиться двойной шавермой из ближайшего к Бюро уличного павильона.

Шаверма произвела на Пасхавера удручающее впечатление.

- Собачатину подсовываешь?
- Побойся бога! Кебаб с курицей. Если тебе не нравится, сам потом съем. И можем заказать суши.
- Ладно уж. Давай ее сюда. Насчет суши подумаю.

Пока судмедэксперт жевал шаверму, они успели поболтать на всякие отвлеченные темы, в основном касающиеся семейства Пасхаверов. Главная новость состояла в том, что жена Игоря Самуиловича, Илона, пять дней назад укатила в Хайфу, к умирающей тетке.

– Не поверишь. Последние лет пять месяца не проходит, чтобы старая карга не помирала. Вот прямо как по расписанию. Стабильность – наше все. Но периодически случаются обострения, и тогда моя женушка летит прощаться. Уже целое состояние оставила – «Аэрофлоту» и «EL AL»³. Обидно.

- Из-за денег?
- Из-за того, что вот жена уехала, чем не повод? А у меня даже любовницы нет. Одна дочь на шее. И та готовить не умеет.

В этом месте пасхаверского спича Брагину полагалось хохотнуть, на худой конец – улыбнуться, такова традиция: все поддерживают Гарика Пасхавера в святой уверенности, что у него есть чувство юмора. Но сейчас отреагировать правильно не получилось, не до того, вот Брагин и отделался легким подергиванием верхней губы.

- Что, неудачная шутка? – как будто даже обиделся Пасхавер.
- Удачная.
- А новый анекдот хочешь? Про марш Мендельсона и очко?
- Не хочу.
- Ладно. Идем.

³ EL AL – израильская авиакомпания.

Спустя минуту они оказались в прожекторской, где вместо одного тела Брагин увидел два. Одно было прикрыто простыней, другое – совершенно незащищенное – заливал мертвый свет ламп.

– Это свежая жертва, – прокомментировал Пасхавер. – Утренняя. Вторую тоже выкатил для наглядности. Но сравнительные характеристики – позже.

Брагин старался не смотреть на красное пятно лишенного кожи лица – настолько удручающим, *противоестественным* было это зрелище. От этой противоестественности, а еще – от его личной неспособности хоть что-то противопоставить чужой бессмысленной жестокости, хоть что-то изменить у следователя вдруг закружилась голова. И, чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за край прожекторского стола.

Черт знает что такое.

Ты же видел всякое, Сергей Валентинович. И трупы разной степени разложения, и распухших от длительного пребывания в воде утопленников, и отрезанные головы, и прочую тупую расчлененку – так что происходит теперь? Чем лицо с содранной кожей отличается от других лиц, которые преступники иногда уродуют до неузнаваемости?

– Зрелище не для слабоверных, согласен, – сказал Пасхавер, мгновенно оценив мизансцену у стола. – Если отвлекает, могу накрыть салфеткой.

– Все нормально, – выдавил из себя Брагин.

– Да? – Судмедэксперт еще раз взглянул на следователя. – Пожалуй таки накрою.

Заканчивай ты уже эти мензюэты, Гарик. Давай по существу дела.

«По существу дела» выяснилось следующее: смерть девушки наступила за пять часов до того, как тело было обнаружено двумя пожилыми любителями скандинавской ходьбы. Причина смерти – так же, как и в предыдущем случае, – странгуляционная асфиксия. Как и в предыдущем случае, девушка была задушена жильной струной (предположительно от альта). О том, что это именно струна и именно жильная, свидетельствуют микрочастицы масла для струн. После обнаружения первой жертвы Пасхаверу пришлось повозиться несколько недель и связаться с несколькими лабораториями, чтобы установить происхождение микрочастиц.

– Теперь, учитывая абсолютную зеркальность первого и второго убийств, дело всяко пойдет бодрее, – вывел в заключение Пасхавер.

– Бодрее? – изумился Брагин.

– Для нас. В том смысле, что убийца консервативен. Ничего нового не изобретает. И, вероятно, использует одну и ту же струну в качестве орудия преступления. Думается мне, даже некий простейший механизм на ее основе.

– Это как?

– Что-то вроде петли с фиксатором.

– Бывают и такие?

– Бывают всякие. Для отлова собак, к примеру.

– Что за... – Брагин поморщился, как от зубной боли.

– Я сказал – к примеру. Не факт. Но от того, кто снимает кожу с лица, чтобы заменить ее восковой маской, всего можно ожидать.

– Кстати, что скажешь про маску?

– То же, что говорил по поводу первой. Они идентичны. Если забыл – могу напомнить. Смесь парафина и технического воска с добавлением небольшого количества красителей. Скорее всего, заливалась разогретой в заранее подготовленную гипсовую форму, для укрепления каркаса использовалось несколько слоев марли. Технология несложная, ее даже младший школьник освоит на раз. Парафин и воск стоят копейки, распространены широко, торгует ими масса компаний. В основном это крупный опт, но можно легко приобрести и в розницу.

– Где?

– Где угодно. Складских точек сотни, если не тысячи. Так что отследить покупателя вряд ли получится. И насчет отпечатков на маске ничего утешительного сказать не могу. Есть смазанные следы с небольшим добавлением талька, что говорит только об осторожности убийцы и больше ни о чем. Он работал в медицинских перчатках.

– Все так безнадежно?

– Узнать бы, под чье конкретно лицо была отлита форма, – вздохнул Пасхавер. – Возможно, тогда все сдвинулось бы с мертвой точки.

– Ты и в прошлый раз это говорил. И не только ты. Вяткин мне этим лицом тоже всю плешь проел. Не допускаешь, что это – всего лишь стилизация?

– Может, стилизация, кто знает. Дальше. Инъекции. Очевидно, делались несколько раз, последняя по времени – незадолго до смерти. Флунитразепам внутривенно, как и в предыдущем случае. Когда ее убивали, жертва была погружена в глубокий сон. Схема та же, что и с первой девушкой. Обе какое-то время были лишены возможности активно двигаться и находились в одном и том же помещении. С бетонным полом. Поскольку на ступнях жертв – частицы бетонной пыли, идентичные по составу. Непереваренные остатки пищи в желудке тоже идентичны как в первом, так и во втором случае. Белое мясо курицы, зеленый салат, черные маслины. Небольшое количество алкоголя в крови.

– Ужин перед смертью?

– С парой бокалов вина.

Пасхавер обошел стол с покоившимся на нем телом и оказался возле второго стола: там, где под простыней лежала только сегодня обретшая имя Ольга Трегубова – хранительница гибискуса и патологическая лгунья.

Бедная девочка.

Две бедные девочки. Совсем скоро судмедэксперт Пасхавер закончит свои выкладки, и обе отправятся в тесные ячейки металлического шкафа. Несправедливый финал для двадцатилетних. Самый несправедливый из всех возможных.

Между тем Пасхавер откинул простыню с ног Ольги Трегубовой и едва ли не ткнул пальцем в чуть заметную полоску вокруг щиколотки.

– Этот след ты уже видел. Точно такой же – у сегодняшней девушки.

– Цепь.

– Я не был бы столь категоричен. Корректнее говорить о кольце, которое было зафиксировано на щиколотке. Но вариант шадящий, если в данном случае может идти речь хоть о каком-то милосердии. На коже я обнаружил несколько микроволокон плюша. Скорее всего, кольцо было металлическим и при этом обернутым в плюшевую ткань. Соскобы кожи я уже отправил в лабораторию, будем ждать результата.

– Какая-то странная конструкция получается, – задумчиво произнес Брагин.

Пасхавер широко улыбнулся, едва ли не до десен обнажив крепкие зубы. Брагину всегда казалось, что зубов у Гарика немного больше, чем положено среднестатистическому обывателю: примерно столько же, сколько бывает зерен в кукурузном початке. Да и сами зубы поразительно на них смахивают – желтоватые и понатыканы очень уж плотно, и стараются выпихнуть друг друга наружу. Оттого и улыбка в исполнении судмедэксперта всегда выглядит несколько inferнальной.

Чеширский кот на самовыгуле.

– Ты меня удивляешь, Валентиныч. Ты когда последний раз в секс-шопе был?

– Не понял?

– Совсем не заглядываешь, что ли? Не следишь за новинками индустрии разврата?

– Да как-то... – Брагин неожиданно смутился. – Не припомню даже. Повода нет.

– Размеренная супружеская жизнь к таким вещам не располагает, понял. Но ты зайди как-нибудь, поинтересуйся. Наручники всякие изучи для любовных утех и прочие приблуды. Там и пух, и перья, и стразы для особо одаренных. Найдется все.

– То есть ты предполагаешь...

– Делаю вашу работу, как обычно. А ты чего сразу раскис? Из-за секс-шопа?

Не раскис и не из-за секс-шопа. Не нужен старшему следователю Сергею Валентиновичу Брагину никакой секс-шоп, его и так на работе имеют. Во все отверстия, как обычно выражается капитан Вяткин. Что же касается их с Катей интимной жизни, то тут Пасхавер прав. С самого начала она не отличалась особой страстностью, а спустя десять лет все свелось к рутинному исполнению супружеских обязанностей. Неукоснительному, если речь заходит о ежемесячном пике фертильности. Ни одна овуляция не должна быть пропущена, пока сохраняется шанс забеременеть. Что бы ни происходило между ними – охлаждение, недопонимание, – в эти священные дни Катя всегда выбрасывает белый флаг; призывает Сергея Валентиновича тем особым, замешанным на химии внутренним зовом, каким наверняка пользуются пчеломатки, и муравьиные королевы, и королевы термитов. Правда, зов периодически слабеет – в тот момент, когда его маленькая жена в очередной раз срывается в пропасть неверия и отчаяния. И тогда место Брагина занимают медицинские центры, монашеские кельи, святые мощи, иконы православных заступниц, шаманские бубны и недельные камлания где-то у подножия горного хребта Какшаал-Тоо.

Масса усилий – и все напрасно. И что-то подсказывает Брагину, что по-другому не будет. Во всяком случае, до тех пор, пока они не перестанут относиться к сексу как к экзамену, который невозможно сдать. Сколько бы переэкзаменовок ни назначалось.

– Кстати, раз уж мы заговорили о сексе...

– Ты заговорил, – осторожно поправил судмедэксперта Брагин.

– Вот что странно. В сексуальный контакт убийца с девушками не вступал. Для подобного рода серий это нехарактерно.

– То, что делает этот подонок, вообще не характерно ни для чего.

– Хочешь об этом поговорить? – Пасхавер посмотрел на Брагина с сочувствием.

– Не хочу, но придется.

– Давай не со мной. Наймите в складчину какого-нибудь спеца по маньякам, пусть он вам все популярно объяснит. А мое дело – экспертиза. Физиологические особенности, причины смерти и все этой смерти сопутствующее. Девушка, убитая в апреле, была девственницей, ты это должен помнить.

– Я помню.

– Сегодняшняя – не была. Но ей вырезали аппендицит. Это – первое. Второе. Полостная операция, связанная с удалением кисты яичника. Операция недавняя, проводилась несколько месяцев назад. Очевидно, потребовалось экстренное хирургическое вмешательство, иначе все ограничилось бы лапароскопией.

– Что-то я про это слышал. Про лапароскопию. – Брагин на секунду задумался. – Это когда проколы и резать не надо. И все отслеживается по видео.

– Ну... В общих чертах. – Пасхавер снова явил Сергею Валентиновичу засевший в деснах кукурузный початок. – Так называемый малоинвазивный метод хирургического лечения. В любой уважающей себя клинике есть и оборудование, и спецы. Это что касается нашего городка и других крупных поселений. Я сказал, что потребовалось экстренное хирургическое вмешательство?

– Вроде да.

– Поправочка. Операция могла быть и плановой, но ее делали в учреждении, где нет соответствующего оборудования. Маленький город, райцентр.

– А это... редкая операция? – поинтересовался Брагин.

Судмедэксперт бросил на Сергея Валентиновича один из своих фирменных взглядов: *сам-то понял, что сказал, брателло? Стыдно не знать таких вещей.*

– Редкая операция – это пересадка фрагмента черепа на живот. А удаление кисты – сплошь и рядом.

– Сплошь и рядом. – Брагин дернул себя за мочку уха, что означало крайнюю степень разочарования. – Рядовая операция, возможно сделанная в райцентре. Тихвин, Подпорожье, что там еще?

– Что угодно – от Камчатки до Калининграда. Но клиники в Питере и области я бы на всякий случай пробил. Для очистки совести.

– Учту. Что там у нас еще? Бетонная пыль. Встречается повсеместно.

– Увы. – Пасхавер развел руками.

– Флунитразепам. Его отпускают по рецепту?

– Флунитразепам можно легко заказать в интернете, это же не боевое отравляющее вещество последнего поколения. Хотя... и их тоже можно.

– Про технический воск и парафин я вообще молчу.

– И молчи, – подзадорил Брагина судмедэксперт.

– А тебе-то есть еще что сказать?

– Все основное по горячим следам я изложил. Оставшиеся мелкие подробности будут в отчете. Кое-какие детали требуют лабораторного анализа, но это уже по мере поступления.

– Подробности о жертвах, я правильно понимаю?

– Да.

– А об убийце?

– Сам не хочешь рассказать мне об убийце? – неожиданно огрызнулся Пасхавер. – Ты же с этим делом месяц возишься.

Все они возятся, как будто других дел нет. Есть. Текущей работы полно, она стелется сорной травой до горизонта и никуда не девается, прополотое тут же зарастает вновь. И в этом преступном разнотравье чего только ни встретишь, – и тяжелого, и сложного, и муторного; и такого, что в себя потом прийти не можешь, хоть к психологам МЧС на прием записывайся. Так и с делом Альтиста: чем бы ты ни занимался, оно все равно колышется у тебя за спиной зловонной трясиной, нависает, подобно отколовшемуся куску скалы. В каменных складках полно многоножек, мокриц и ящериц, даже не подозревающих, что чертов кусок держится на честном слове и вот-вот упадет. И не куда-нибудь, а на голову Брагина и его начальника В.К. Столтидиса. Вот кто ежедневно всем богам молится о том, чтобы нехорошее дело было как можно быстрее расследовано. А еще лучше, если бы его вовсе не существовало или оно рассосалось бы само собой. А уж предположить, что это – Серия...

Это – Серия.

С появлением горчичного пальто все окончательно встало на свои места. Обрушился наконец нашпигованный ящерицами кусок скалы.

– А что тут рассказывать, – зло бросил Брагин. – Убийца может вылепить маску из воска и сделать внутривенную инъекцию нужного препарата. Он знает, где достать этот препарат... Он располагает временем, чтобы все продумать до мелочей. Он располагает местом, в котором может некоторое время держать жертвы без опасения быть разоблаченным. Он зачем-то скальпирует лица жертв, как будто маски ему недостаточно... С орудием преступления тоже не все ясно. Разве нельзя обойтись инъекцией, если уж ты взял в руки шприц? Зачем все так усложнять?

– Ты у меня спрашиваешь?

– У себя.

– Ну... Отсутствие лица затрудняет опознание. Он делает то, что сделал бы любой на его месте, – замечает следы.

– Еще вчера я думал так же. А сегодня я знаю имя первой жертвы. И есть серьезная вероятность, что убийца сам преподнес его нам. Зачем? Зачем он это сделал?

– Закажем суши, Валентиныч?..

Но вместо суши они заказали жареные лисички и по безалкогольному пиву – в кругло-суточной кафешке неподалеку от Бюро. И посидели еще минут сорок за разговором, который никак не касался трупов в прозекторской. Обычный разговор двух усталых мужиков – то ли турменеджеров, то ли таксистов: о планах на лето («надо бы все-таки рвануть туда, где потеплее») и немного о политике и о дерьмовом правительстве, куда без них, сволочей. Потом перешли на частности, и Пасхавер поведал Сергею Валентиновичу, что собирается на следующий год отправить дочь Валюху в Пражский университет, подальше от священных границ Родины. Чтобы не случилось чего.

– Чего?

– Мало ли, – ушел от прямого ответа Пасхавер. – Когда такие страшные дела творятся – призадумайся.

– Так они везде творятся, страна тут ни при чем. И монстром может оказаться кто угодно. Твой сосед, твой лучший друг.

– Мой друг – это ты. – Судмедэксперт приподнял бокал и посмотрел сквозь него на Брагина.

– Но ведь не лучший?

– Не лучший. Лучший – моя жена. Она, конечно, монстр, но без отягчающих.

Они еще посмеялись над тем фактом, что без отягчающих; снова перескочили на политику – теперь уже международную, гори она огнем. Особенно старался Брагин – только бы не оглядываться на топь позади себя. Только бы не возвращаться к проклятому – *зачем убийца сделал это?* Зачем всучил им конец нити, которая (при известной старательности Сергея Валентиновича, одержимости капитана Вяткина и норных инстинктах Паши Однолета) может распутать весь клубок? Или это не цельная нить? Так, обрывки разных, произвольно связанных мертвыми узлами, и узлы эти не развязать, хоть ногти ломай, хоть грызи зубами.

По факту – форменное издевательство.

Вряд ли судмедэксперт Игорь Самуилович Пасхавер думал о том же самом: он обладал счастливой способностью отключать голову от работы, едва сдав свой лабораторный ключ. Оно и понятно, бесконечные вскрытия – вещь не умозраительная, если вовремя не абстрагируешься – хана. И все же на прощание Пасхавер позволил себе короткую реплику в пространство:

– Как в кино.

– О чем это ты? – насторожился Брагин.

– Да все о том же. О чем ты мне талдычишь. О том, что убийца какой-то универсальный. И швец, и жнец, и на дуде игрец.

– На альте.

– Один черт. Ходили слухи, что ты консультировал один сериал...

– Не консультировал. Просто дал пару советов.

– И как там история?

– В смысле?

– Сюжет хоть приближен к реальным будням розыска? Или так, из говна и палок слепили?

– Местами приближен, – неожиданно обиделся Брагин.

– Понятно. Слепили, значит. Чтобы было позабористей. В надежде, что зритель-дурак все схавает. И ведь хакает же. Илона, женушка моя драгоценная, – так вообще за милую душу. И даже не подозревает, что для всех этих кинодеятелей главное – бабло распилить.

В общем-то, Гарик Пасхавер, несмотря на еврейскую кровь, в которой по идее должны быть растворены метафизика и известная философичность, – мужик на удивление приземленный. По-шагаловски летать над городом, ухватив Илону под мышки, ему и в голову не придет.

Просто мыслит, ясно излагает. Копают от забора до обеда. Но иногда Пасхавера кусает вошь иносказательности, которую он и сам не в состоянии понять, и других ею мучает.

Вот как сейчас.

– Это здесь при чем, Гарик? Кинодеятели, бабло...

– Девушки – вот кто при чем. Преступление на сексуальной почве я еще могу понять. В том смысле, что мы с тобой это видели, и не однажды. А здесь нет сексуальной составляющей, просто содранные лица. Еще и с вами решил поиграть в какую-то странную игру. Сложно, бессмысленно, в реальной жизни – хрен представишь. Неправильная история...

– Как в кино? – вернул Брагин судмедэксперту его же реплику.

– Вот именно. Ты видишь только то, что тебе подсунули в кадре. И версии строишь исходя из этого. А за кадром что-то совсем другое. Совсем.

...Пасхавер давно укатил домой на своем циклопическом «УАЗе-Патриоте» (в народе ходили как минимум три версии его приобретения, одна другой забористее); Пасхавер укатил, а Сергей Валентинович все сидел в машине, раздумывая над его словами. Что-то в них есть, какое-то рациональное зерно. Вопрос лишь в том, когда оно прорастет и прорастет ли вообще. Затем Брагин переключился на сегодняшний – долгий и изматывающий – день. Сутки назад неизвестная ему девушка была еще жива. А спустя несколько часов они уже осматривали ее тело.

Вторая жертва.

И вряд ли маньяк остановится.

А это значит – будет третья. Между первым и вторым преступлением – месяц. Чуть больше. Сколько времени у них в запасе, чтобы предотвратить возможное развитие событий? Нисколько. Пока они могут только следовать за убийцей, надеясь, что он ошибется. Не так, как сегодня. По-настоящему.

Надо ехать домой и покомарить хоть немного.

Но прежде, чем оказаться в собственной квартире, в одном пространстве с неспящей Катей, которая обязательно притворится спящей, Брагин – неожиданно для себя самого – завернул в место, где и бывал-то нечасто, пальцев на руках хватит пересчитать. Причем львиная доля этих визитов относилась к работе: в середине двухтысячных они с Вяткиным расследовали дело об убийстве актера, снимавшегося в гей-порно, и изымали из секс-шопов компакт-диски фильмов с его участием.

В этот, по стечению обстоятельств находившийся не так далеко от его дома, Брагин никогда не заглядывал и даже на неоновую вывеску не обращал особого внимания, хотя проезжал здесь довольно часто, едва ли не каждый день. Справедливости ради, вывеска была неброской, никаких элементов разнузданности не несла и вполне органично вписывалась в конгломерат таких же сдержанных вывесок и табличек. «Нотариус», «Суши-вок», «Парикмахерский рай», «Всё для вейпа», «Всё для домашних любимцев». Но теперь, после разговора с Пасхавером, чертова вывеска сама собой вдруг всплыла в брагинском сознании. И не просто всплыла: она нестерпимо сверкала всеми цветами радуги. Капитан Вяткин отпустил бы по этому поводу какой-нибудь каламбур – непечатный и вполне ожидаемый. Но Вяткина рядом не было, и никого не было – вот и хорошо. Вот и ладушки, прояснить для себя кое-какие подробности относительно секс-наручников Брагину проще без свидетелей.

Магазин назывался «Розовый опоссум», и, чтобы попасть в него, необходимо было войти в арку, облепленную этими самыми вывесками, пройти по нарисованным на асфальте стрелкам через один двор и оказаться во втором. Здесь, в типичном питерском колодце, отделенные от гастрономических и парикмахерских радостей, они и находились, эти парии – всё для вейпа и секс-шоп.

До окончания работы «Розового опоссума» оставалось полчаса.

Первым, кого увидел Брагин, попав вовнутрь, оказался раскормленный сонный Будда – охранник, восседавший у двери. Хлипкий стул под ним едва заметно покачивался, подобно цветку лотоса на воде, но Будду это нисколько не беспокоило. Как не беспокоил антураж небольшого зальчика, выдержанного в красно-черных тонах. Вдоль стен шли застекленные шкафы, а центр зальчика занимал архипелаг из составленных в каре невысоких стеллажей. На стеллажах теснились книги, журналы и какие-то коробки, к которым Брагин – от греха подальше – решил не присматриваться. Не фокусировать взгляд ни на них, ни на содержимом шкафов. В дальнем углу обнаружилась стойка с возвышающимся над ним компьютером, и к ней-то Брагин и направился. За стойкой сидела (вернее, полулежала в кресле, забросив ноги на стол) молодая девчонка с волосами, выкрашенными в провокационный ярко-розовый цвет.

Смешная. Нет, скорее забавная.

Впрочем, о том, что девушка забавная, Брагин подумал спустя несколько секунд, когда она оторвалась от книги, почти полностью скрывавшей ее лицо. Книга была не толстой, больше похожей на буклет, но молодые девушки и не читают толстых книг.

И они не готовы умереть. Никто не готов, но они – особенно.

Толком рассмотреть обложку Брагин не успел, кажется, там был чей-то обрезанный напополам силуэт. Мужской. Мужчина в солнцезащитных очках, да. Лысоватый со лба.

– Интересная? – спросил Брагин, скосив глаза на книгу.

– Не оторваться, – ответила девушка. – «СТРАСТЬ: Между черным и белым».

Между черным и белым – розовые волосы. Смешная. Нет, забавная.

– Рекомендуете?

– Годара?

Она улыбнулась, дружелюбно и в то же время снисходительно, как можно улыбаться только в юности, когда знаешь все на свете и все на свете успел испытать. Кроме разве что... каково это – лежать на влажной жирной земле, в пальто, которое тебе немного велико; оно защищает, но и этой защиты ты скоро лишишься – когда к тебе приблизятся незнакомые люди и заглянут в тебя, как в разбитое зеркало, и отшатнутся в ужасе, едва не порезавшись об осколки. А потом, немного придя в себя, вызовут множество других незнакомых людей, и все закончится железным столом и железным ящиком в железном шкафу, и даже пальто у тебя отнимут.

Успокойся уже, Сергей Валентинович. Уймись, а?

– Я вас слушаю.

Только теперь Брагин заметил бейдж на груди девушки:

КИРА

Администратор

Ольга Трегубова была продавцом-консультантом, *закрываем тему, мать твою*.

У девушки подвижное живое лицо (слава богу – лицо!); не красавица, но что-то в ней есть. Такие нравятся всем без исключения парням, но особенно – затравленным ботанам и отвязным паркурщикам; крайности всегда сходятся – и в предпочтениях тоже. Зеленые прозрачные глаза, вздернутый нос, левая бровь наполовину сбрита. Это не портит девушку, и широкий, почти мужской рот не портит. Но вся прелесть администратора Киры – именно в этой подвижности, мгновенной, почти неуловимой смене настроений. Ей все нравится, и секс-шоп, и ночная работа, и ноги на столе, и Годар, и черное, и белое, и то, что между. Классифицируется как страсть, а там бог ее знает.

– Э... – булькнул Сергей Валентинович.

– Понятно. – Кира улыбнулась еще шире и неожиданно подмигнула Брагину. – Так что вы хотели знать о сексе, но боялись спросить?

– Э...

Да что ж такое-то?

– Вот, держите. – Девушка протянула ему увесистый полноформатный каталог и остро заточенный карандаш. – Ознакомьтесь с ассортиментом и отметьте выбранные позиции. Затем верните каталог мне, и я подберу вам товар. Пойдет?

Брагин кашлянул, прочищая горло, и тихо произнес:

– Интересуют наручники. Но не те, которые на руки... Которые на ноги. Хотелось бы взглянуть.

– Только они интересуют? У нас большая БДСМ-линейка и широко представлены альтернативные практики.

– Давайте ограничимся наручниками.

– Поножи. Это называется поножи.

Кира поднялась с места и, осторожно обойдя Брагина, направилась к ближайшему к стойке стенду. Сергей Валентинович поплелся за ней.

Через несколько мгновений она уже снимала какие-то небольшие коробки.

– Есть варианты в кожаменителе, есть варианты в коже. Есть комбинированные – кожа-мех, кожа-плюш. Есть фиксаторы в стиле «японский шелк», поводок в комплекте.

– Поводок? – опешил Брагин. – А поводок зачем?

– Элемент ролевой БДСМ-игры. Но собаку выгулять тоже можно.

В глазах девчонки он, безусловно, ближе к выгулу собак, чем к ролевым играм, но не все ли равно, что она думает?

– А есть вот эти самые поножи... из металла?

– Жесткая фиксация?

Теперь она решит, что Брагин какой-то извращенец. Наверняка.

– Что-то вроде. Из металла, но чтобы была опушка или оплетка. Как вы там сказали? Мех, плюш? Это подошло бы.

– Сейчас поищу образцы.

Розоволосая администратор отошла от Брагина, присела на корточки перед нижней секцией шкафа, открыла дверцы и принялась вытряхивать очередную порцию коробок. В этот момент над входной дверью звякнул колокольчик, дверь распахнулась, и на пороге возник молодой человек с картонной упаковкой в руках: два стакана кофе на вынос и что-то еще. Отсюда не разглядеть. Будда-привратник отреагировал на появление парня ровно так, как десять минут назад отреагировал на Сергея Валентиновича. Даже глаз не открыл и не расцепил толстых пальцев, сомкнутых на толстом животе. Парень, напротив, коснулся свободной рукой плеча азиата: «Привет, чувак, вот и я».

Типичный ботан. Хипстерня.

Квинтэссенция хипстерни: аккуратный череп, аккуратная – волосок к волоску – прическа; штаны в облипку, с низкой, прости господи, мотней. Не было дня, чтобы эти чертовы недештанты не промелькнули где-нибудь поблизости от Брагина, это называется – уличная мода. Зато черная футболка – вне всякой моды, полгорода в таких ходит. И сейчас, и десять, и двадцать лет назад. Футболка самая обычная, да. Если не считать надписи.

WAKE ME UP WHEN THE LIFE ENDS⁴.

Брагин не особенно силен в английском, но общий смысл послания понимает: что-то фрондерское и выпендражное насчет конца жизни, ах ты, сукин сын. Что ты вообще знаешь про конец жизни?

Успокойся уже, Сергей Валентинович. Уймись, а?

Лицо тоже аккуратное, правильное, пропорции соблюдены идеально. Настолько идеально, что если раскладывать физиономию вновь прибывшего на геометрические составляю-

⁴ Разбуди меня, когда жизнь кончится (англ.).

щие, то все квадраты, параллелограммы и треугольники подойдут друг другу идеально, без всяких зазоров. Все с ним хорошо, с лицом, отвернешься и не вспомнишь. А вот очки приметные: узкие, в тонкой железной оправе, стекла не прозрачные, а какие-то дымчатые, слегка затемненные. Очевидно, у парня проблемы со зрением. А может, и нет, кто этих хипстеров поймет?

Кофе явно предназначался девчонке, но аккуратный парнишка даже не подумал к ней подойти; понимает, что та обслуживает клиента. Вышколенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.